

Джон Паншон

КВАКЕРЫ И МИР СЕЙ
История Общества Друзей для русских читателей

Перевод с английского Татьяны Павловой, 1998

ОГЛАВЛЕНИЕ

- [Глава 1.](#) По ту сторону Балтики
- [Глава 2.](#) Холм прозрения
- [Глава 3.](#) Тихий сад
- [Глава 4.](#) Моря разладов
- [Глава 5.](#) Ворота в будущее

Глава 1

ПО ТУ СТОРОНУ БАЛТИКИ

Однажды в 1697 году, совершая свое знаменитое путешествие по Западной Европе, царь Петр Великий оказался в Лондоне. Все англичане, достигшие определенного возраста, знают, что он учился ремеслу кораблестроения, работая инкогнито в королевских доках в Дептфорде. Но немногие знают, что он был одним из первых русских, кто встретил квакеров. Хотя по всей видимости он не был самым первым. Ряд квакерских купцов занимались торговлей на Балтике в XVII веке, и всюду, где они ни появлялись, они приносили с собой свою веру. Вероятно, первым русским, узнавшим о квакерском учении, был человек из народа - может быть, матрос, писец или хозяин гостиницы.

К тому времени, как Петр встретил квакеров, или «Друзей», как они себя называли, они существовали как общество уже около сорока лет. Впервые они появились на страницах истории во время краткого эксперимента республиканского правления, который последовал за гражданскими войнами в Англии в середине XVII века. Правительство смотрело на них с опаской как на смутьянов, и они периодически входили в противоречие с законом. Между 1660 и 1689 годами предпринимались серьезные усилия заставить всех англичан совершать богослужение в национальной церкви*, и в результате квакеры страдали от весьма суровых преследований.

Тем не менее, они процветали, пока не появились квакерские церкви, или «собрания», во многих уголках страны. Друзьями становились главным образом представители средних слоев общества - не рабочие и не крупные собственники. Многие были фермерами или каким-то образом связаны с сельским хозяйством, а другие, в больших городах, искусными ремесленниками или торговцами. Из городов вроде Лондона или Колчестера, где существовали сильные квакерские общины, корабли отправлялись в восточную Балтику за древесиной и солью. Первые действительные контакты между английскими квакерами и народами, впоследствии образовавшими Советский Союз, были поэтому, вероятно, контактами такого рода.

К тому времени, когда Петр Великий появился на исторической арене, Друзья, однако, вышли за рамки своего социального слоя. Они стали привлекать к себе людей с интеллектом и влиянием. Самый знаменитый из новообращенных, Уильям Пенн, сделал колонию в Пенсильвании (ныне - часть Соединенных Штатов) великим политическим и

социальным экспериментом. Другой, Роберт Баркли, написал свою «Апологию истинного христианского богословия», подробное изложение квакерских религиозных принципов, оставшееся непревзойденным в течение двух столетий.

Эта книга и явилась поводом для встречи Петра с Друзьями. В религиозной автобиографии молодого квакерского служителя Томаса Стори описано, как он получил приглашение от Джилберта Моллесона, зятя Роберта Баркли, прийти в дом на окраине Йорк-билдингс, в Лондоне, где остановился царь. Моллестон имел на уме две цели. Он хотел узнать новости о своем родственнике, служившем на царской службе, а также вручить царю экземпляр книги своего родственника. Стори записывает:

ПЕТР ВЕЛИКИЙ И КВАКЕРЫ

Их провели вдоль длинного коридора и подвели к какому-то человеку. Когда они говорили с ним, они заметили двух людей, расхаживавших в соседней комнате. Стори подумал, что один из них и есть, должно быть, царь, и они стали смотреть в другую сторону, чтобы не нарушать его уединения. Найдя того, кто был им нужен, они к огорчению своему узнали, что родственник Джилберта Моллесона, которого они пытались разыскать, незадолго перед тем скончался. В этот момент к ним подошли два других человека и переводчик, с помощью которого они объяснялись.

Петр (это действительно был царь) спросил, почему они не отдали дань уважения вельможам, находясь в их присутствии, в ответ на что Томас Стори воспользовался возможностью и объяснил квакерское свидетельство против внешних выражений уважения. Он сказал, что он и его товарищ весьма уважают царей и князей, но что внешние знаки почтения и лесть часто используются теми, кто имеет задние мысли и не отличается искренностью. С некоторой долей дипломатичности он добавил, что квакеры готовы оказывать всяческое законное повиновение своему монарху, но изменят свое поведение, если действия его будут руководствоваться тиранией, невежеством или дурным советом.

Царь явно слышал о квакерах, потому что после этого он спросил через переводчика, что хорошего можно ожидать от них как от граждан, если они отказываются брать оружие. Стори сначала сослался на религиозный принцип, напомнив, что Христос велит нам любить врагов, но затем подчеркнул пользу квакеров для экономики, указав на их усердие в сельском хозяйстве, промышленном производстве и торговле. Он сказал, что Друзья платят налоги, как и все остальные, но ни гордыня, ни чувство чести или воспоминания не помешают ему сказать, что в прежние времена многие, кто стал Друзьями, были солдатами и принимали участие в битвах.

Царь некоторое время походил в задумчивости, а Стори сказал переводчику, что оба квакера знают, что «персона высокого отличия» находится в этом доме и думают, что его занимают все стороны жизни. И потому можно предположить, что он интересуется и религией, и соответственно этому Стори хотел бы дать ему кое-какие книжки, посвященные британскому монарху, которые объясняют квакерские принципы. Затем он достал два экземпляра «Апологии» Баркли на латыни и презентовал их царю. И опять Петр обнаружил свои познания, спросив, не написана ли эта книжка иезуитом - такие обвинения иногда выдвигались против квакеров. Спутник Стори Джилберт Моллесон отверг это обвинение, и тогда царь предложил заплатить за книжки.

Ответ Томаса Стори стоит привести полностью: «Но я сказал им: 'Мы не те люди, которые хотят что-либо в возмещение за книгу или что другое; они являются подарком великому князю и даются даром; все, что мы желаем, это чтобы они были приняты; и что если по случаю кто-либо из наших Друзей когда-либо приедет в его страну и станет проповедовать принципы, содержащиеся в этой книге, и встретит противодействие и гонения за это со стороны должностных лиц или властей, подчиненных ему, то он поблаговолит бы оказать им покровительство и помощь'».

Во всем этом имелась и комичная сторона, потому что в продолжение всего разговора инкогнито царя не было раскрыто. Только когда он удалился, двое квакеров получили от переводчика подтверждение, что тот, с кем они говорили, действительно был царь Петр Великий. Томас Стори завершает свой маленький рассказ о встрече с царем сообщением, что после этого он несколько раз присутствовал на квакерских собраниях и в частных домах встречался с некоторыми квакерами, среди которых был знаменитый и обладавший большими связями Уильям Пенн.

Поначалу он, должно быть, нашел эти впечатления странными. Квакерское богослужение называлось (и называется сейчас) «собранием» и не нуждается в специальном здании, хотя для удобства квакеры и имеют «дома для собраний». Конгрегация сидит в молчании, и по временам раздаются молитвы, свидетельства или проповеди, хотя они и не готовятся заранее. На поверхности это имеет мало общего с литургической церковной службой, хотя люди, которые испытали и то, и другое, часто утверждают, что под внешним покровом скрываются существенные подобия. Царь мог быть как раз таким человеком.

Несмотря на свои недостатки, Петр был пытливым человеком и провидцем. Девятнадцать лет спустя, в 1712 г. он находился во Фридрихштадте, в Голштинии, во время Великой Северной войны против Швеции. По какой-то причине он спросил бургомистра, нет ли в его городе квакеров, и ему сказали, что таковые имеются и что некоторые из его отрядов расположились на постой в доме для собраний. Он немедленно приказал солдатам удалиться оттуда и обратился к Дружьям с просьбой устроить для него молитвенное собрание.

И опять Томас Стори дает нам описание этого собрания. «Филип Дезаир проповедовал среди них учение об истине, и все сидели очень тихо, особенно царь; он сидел очень серьезно во все время молчания, и все остальные, восхищенные его примером и присутствием, делали то же самое; но московитские лорды и генералы не понимали языка (немецкого), и сам царь, который понимал его очень хорошо, переводил им то, что провозглашалось, с большим почтением и серьезностью и сопровождал то, что он слышал, замечанием, что тот, кто станет жить согласно этому учению, будет счастлив». Когда ему опять подарили экземпляр «Апологии» Баркли, на этот раз по-немецки, он объявил, что хотел бы, чтобы она была переведена на русский язык и напечатана в России, хотя, кажется, нет никаких записей, которые свидетельствовали бы о том, что он это когда-либо осуществил.

Разумеется, нет никаких способов узнать, насколько в действительности Петр Великий интересовался квакерами или насколько хорошо он о них знал. Это давно стало прошлым. Но если мы оглянемся назад из сегодняшнего дня, мы можем задаться вопросом, что он или другой просвещенный наблюдатель мог понимать о квакерстве в то время и что может сказать нам современное исследование. Какова была историческая обстановка, на фоне которой должна писаться история данной христианской общины?

КВАКЕРСТВО И РЕФОРМАЦИЯ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

Следует начать с того неопровержимого факта, что религия и национальная история неразрывно связаны между собой и что опыт восточной и западной Европы существенно различался. Чтобы понять возникновение квакеров, нужно вернуться к тем временам, когда восточная (Православная) и западная (Католическая) ветви Церкви окончательно разделились в XI веке.

Событие, известное как Реформация (случившееся примерно в шестнадцатом и семнадцатом столетиях), явилось фактором развития внутри западной церкви и не имело точной параллели в восточной; но именно из Реформации родилось квакерство. Таким образом, происхождение квакеров должно выводиться из Средних веков, через Реформацию ко временам Петра Великого. В это время квакерство достигло своей

первой зрелости, и отшлифованное изложение принципов, содержащееся в «Апологии» Баркли, могло быть положено перед царем.

Лучше всего мы можем понять Реформацию, если сравним идеал средневекового западного христианства с реальностью. В политическом смысле земля и власть распределялись согласно иерархической структуре общества. Теоретически вся земля на определенных условиях «держалась» от королей. Ниже их на социальной лестнице находился класс крупных лордов, а затем более мелких лордов и рыцарей. Каждый держал землю от того, кто находился выше, а в ответ должен был исполнять по отношению к нему определенные обязанности, такие как уплата ренты и несение военной службы. Титулованным главою всех был император Священной Римской империи. Католическая церковь строилась согласно такой же иерархии. Ни одна из национальных церквей не имела своего собственного главы, как в Православном мире, но все подчинялись Папе Римскому. В формулировках доктрин церкви, в церковной администрации и в назначении церковных иерархов последнее слово принадлежало Риму.

Теоретически церковь и государство представляли земную и небесную гармонию. Однако существовали и сложности. Во многих местах церковь владела землей и таким образом приобретала ответственность перед политической властью, что вызывало споры. Юридическая система была поделена между церковными и гражданскими судами, и возникали споры относительно юрисдикции. Во многих странах выборы епископов и архиепископов должны были производиться с согласия короля и при последующем утверждении папством. Это стало почвой, чреватой враждою.

Идеал и реальность начали заметно расходиться. Внутри церкви возникла разная по формам коррупция. Бенефиции* покупались и продавались. Епископы становились военачальниками и феодальными лордами. Священники пренебрегали своими обязанностями в приходах; в богослужение проникали всякого рода суеверные обычаи. Как организация церковь богатела, в то время как люди оставались бедными.

Между десятым и пятнадцатым веком поднимался ряд народных движений за реформу церкви. Они возникали в различное время и в разных местах, но имели ряд общих черт. Обычно во главе их стоял какой-нибудь харизматический вождь, красноречивый проповедник с мечтой о том, что должно быть. Учение его обычно носило апокалипсический характер и провозглашало страшный суд или конец света. Эти движения были антиклерикальными и требовали отмены церковной десятины. Иногда они имели насильственный характер. Иногда они провозглашали примитивные формы социализма. Поначалу они пользовались сильной поддержкой, но это обычно скоро угасало. Эти группы были религиозными изгоями. Позднее квакеры стали их в некотором смысле напоминать.

Помимо этого феномена, существовали более длительно сохранявшиеся общины и движения вроде Моравских братьев, лоллардов в Англии и вальденсов во Франции. Они были в целом более серьезными организациями, выдвигавшими теологическую критику католической церкви; когда те изменения, которые они предлагали, игнорировались, они организовывали свои общины. Они были предшественниками протестантов. Позднее квакеры также будут их в некотором смысле напоминать.

Собственно протестантизм - это движение за реформу церкви внутри нее, которое было принято правителями некоторых европейских государств приблизительно в то время, когда началось возникновение национальных государств, с начала XVI века. В Швейцарии, Нидерландах, Шотландии, в некоторых германских княжествах и кое-где еще начало развиваться христианство совершенного иного характера.

Прежде всего, оно было национальным. Каждый правитель рассматривался как назначенный Богом покровитель церкви против тирании Римского папы. Таким образом, юридической, вероучительной, организационной зависимости от Рима более

не существовало; прекратились и денежные платежи. Эти платежи были настолько велики, что об Англии, например, те, кого устраивало такое положение вещей, говорили как о «приданом Богородицы», а те, кто возражал против него, - как о «дойной корове папства».

Во-вторых, протестантизм привел к революции в богослужении. С этих пор все церковные службы в каждой стране совершались на местном языке. Как и в Византийской империи в восьмом веке, широко распространилось иконоборчество - из церквей выбрасывались статуи, живописные полотна и цветные витражи, а часто и писанные от руки и украшенные иллюстрациями книги, и алтарь переносился в центр храма и назывался «стол для причастия». В западных церквях не существовало иконостаса, и до Реформации Святые Дары в момент освячительной молитвы пресуществлялись на виду у всей конгрегации.

В-третьих, эти нововведения были результатом изменений в вероучении, и существовало несколько различных вариантов среди главных протестантских традиций. Двумя самыми значительными протестантскими группами были лютеране, которые следовали учению Мартина Лютера (1483-1546), и кальвинисты, следовавшие за Жаном Кальвином (1509-1564). В целом оба они учили, что благодать (и, следовательно, спасение) приходит не в результате подчинения авторитету церкви и участия в таинствах, а от внутреннего, духовного обращения и отдания своей жизни спасительной работе Христа. В протестантизме подчеркивалось прямое личное переживание. Он также учил, что поскольку Писание способно научить нас мудрости и спасению (2 Тим. 3.16), главным авторитетом в христианской жизни является Библия, а не церковь, папа или епископ. В протестантизме делалось большое ударение на важности мирян.

И именно здесь мы подходим к семенам квакерства, ибо оно - дитя Реформации, обусловленное обстоятельствами страны своего происхождения, Англии. Но оно никогда не представлялось просто результатом исторического развития. Под спудом доктрины протестантизма в целом, и квакерства в частности, лежала мечта об истине и идеал того, чем должна быть христианская церковь. Поэтому, изучая историю квакерства, мы постоянно должны балансировать между историческим и теологическим аспектом. Преимущество теологии состоит в том, что ее можно выразить в словах, которые выходят за рамки английского культурного контекста, и начиная с девятнадцатого века, как мы увидим, именно это и случилось.

В Англии протестантская Реформация прошла через несколько стадий, каждая из которых в свою очередь влияла на квакеров. Процесс начался тогда, когда король Генрих VIII порвал все отношения с Римом и провозгласил себя главой англиканской церкви. Он не произвел вероучительных изменений, но взял весь церковный аппарат под полный контроль. С этого момента начинается англиканская традиция, которая видела в католиках недостаточных патриотов. Преемником Генриха VIII стал его сын, подросток, советники которого привнесли в национальную церковь радикальное лютеранство. Затем дочь Генриха Мария стала преемницей своего сводного брата и, будучи ревностной католичкой, попыталась вернуть все на круги своя. Затем к власти пришла ее сводная сестра Елизавета (Генрих был женат шесть раз), которая стремилась занять компромиссную позицию, сохранив ряд «католических» обрядов в национальной церкви, но провозгласив туманное подтверждение протестантской веры, так называемые «Тридцать девять статей».

Последовательные протестанты не были удовлетворены этим и начали вводить изменения, часто нелегально; так история отметила появление «пуританизма», первого родителя квакерства. В Англии пуританская партия хотела реформ, более последовательных, чем могла разрешить королева Елизавета. Они желали такого богослужения, которое было бы основано более на Библии, нежели на древней литургической традиции, все еще использовавшейся в церквях. Они полагали, что священнослужитель должен быть прежде всего пламенным проповедником и не должен носить облачения. Они хотели, чтобы стол для причастия был помещен в середине

церкви, а не в одном ее конце. Они возражали против существования епископов и хотели либо чтобы каждая конгрегация выбирала своего собственного пастора, либо иерархии синодов, на которых со всей полнотой были бы представлены миряне. Они верили, что главой церкви был Христос, а не папа, не король и не королева.

Однако в глазах многих этот национальный вид протестантизма, где бы он ни встречался, был столь же нежелательным, как и католицизм, в недрах которого он возник. Причиной было то, что протестантизм показал себя столь же деспотическим, как и то, против чего он протестовал. Вследствие этого под сенью поддерживаемого государством протестантизма проросла традиция сектантского христианства, которое обособлялось от мира, подчиняясь строгой внутренней дисциплине, и тем не менее требовало свободы веры для всех. Нет необходимости говорить, что эти группы терпели суровые гонения по всей западной Европе от рук как католиков, так и протестантов. Английские квакеры обнаруживают некоторое сходство с каждой из этих групп.

КРИТИКА КВАКЕРАМИ ХРИСТИАНСКОЙ ИСТОРИИ

Если мы посмотрим теперь на «Апологию» Роберта Баркли, книгу о квакерской вере, которая была подарена царю Петру Великому, мы увидим в перспективе, которую дает наше время, насколько квакеры соответствовали более широкой европейской религиозной сцене. По мере того, как мы будем в нее всматриваться, мы легко определим формы религиозных споров, которые раздирали Западную Европу во время и после Реформации. Баркли пишет о квакерах, но показывает, насколько они вписываются в историю христианства. Он делает дело, а не проводит исследование, так чтобы мы помнили о его убежденности и вере. Он утверждает, что на основании смысла Писания и истории церкви квакеры провозглашают истинность христианского откровения против ложности всех других откровений. Терпимость не относилась к добродетелям семнадцатого века.

Главным в той благой вести, которую провозглашали квакеры, была вера в то, что Бог никогда не перестает оставлять свидетельства в человеческом сердце. Во все времена и во всех местах люди должны лишь усмирить голос внешнего мира с его ложными ценностями и себялюбивыми устремлениями и слушать голос внутри себя. Зная, что то, что говорит нам совесть, часто бывает обусловлено нашим воспитанием, ранние Друзья шли дальше и утверждали, что имеется некий голос внутри совести. Это голос Бога, и если его послушать, он научит нас всему, что необходимо для спасения. Отсюда ведут происхождение два самых характерных слова, используемых квакерами. Они называли эту внутреннюю реальность «свет Христа внутри» и «то, что от Бога внутри».

Они не пасовали перед обстоятельствами. Если этот свет универсален, его можно найти повсюду, не только в те времена и в тех местах, где возможно было внешним образом узнать о жизни и трудах Иисуса Христа. Как быть с теми, кто жил до распространения Евангелия? Как быть с дикарями, жившими в отдаленных частях тогдашнего мира? Как быть с их верованиями? Баркли это ясно. Он утверждает, что все мы спасены тайным присутствием Христа в наших сердцах, независимо от того, какое имя мы для этого изберем, а не интеллектуальным знанием о Христе. Можно, говорит он, знать тайну, не зная истории.

Достаточно нескольких ссылок из Нового Завета, чтобы это проиллюстрировать. «Апология» Баркли - не рационалистическая работа (хотя она и очень логична) и стремится защитить Христианскую веру, а не нападать на нее. Универсальное понимание света содержалось в книгах апостола Иоанна. В 9-м стихе первой главы Евангелия от Иоанна, который, как говорит Баркли, называли «квакерским текстом», мы читаем: «Был Свет истинный, который просвещает всякого человека, приходящего в мир»; ниже Иисус говорит сам о себе: «Я свет миру; кто последует за Мною, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни» (Ин. 8.12). В Первом послании Иоанна читаем: «И вот благовестие, которое мы слышали от Него и возвещаем вам: Бог есть свет, и нет в нем никакой тьмы» (1 Ин. 1.5).

Указание на нравственную природу света и отсюда на свет совести можно найти в словах Иисуса: «Суд же состоит в том, что свет пришел в мир; но люди более возлюбили тьму, нежели свет, потому что дела их были злы. Ибо всякий, делающий злое, ненавидит свет и не идет к свету, чтобы не обличились дела его, потому что они злы; а поступающий по правде идет к свету, дабы явны были дела его, потому что они в Боге соделаны» (Ин. 3.19-21).

На этом основании квакеры упорно утверждали, что ни один народ и ни один человек не могут называться христианами, если их жизнь не соответствует образу, начертанному Евангелием. Это был прямой вызов обрядовой системе Римско-католической церкви, которая была все еще очень сильна на большей части Западной Европы во времена Баркли и царя Петра. Это являлось также вызовом протестантам - последователям Лютера и Кальвина. Для них путь ко спасению лежал через веру, и правильное, соответствующее Писанию исповедание этой веры имело поэтому чрезвычайную важность. Баркли подвергал сомнению это чисто «внешнее» знание.

Для Баркли и квакеров обе традиции вели к неприемлемым для них компромиссам с чистотой христианского учения. Они были от мира сего, а не от Духа. Ни таинства, ни проповедь не будут иметь результата, если человек не испытал того, что св. Павел описал во Втором послании к Коринфянам 4.6: «Потому что Бог, повелевший из тьмы воссиять свету, озарил наши сердца, дабы просветить нас познанием славы Божией в лице Иисуса Христа». Иногда спрашивают: «Являются ли квакеры протестантами?» Мы видим, что они не совсем протестанты и не совсем католики, хотя и имеют родство и с теми, и с другими.

К сожалению, историческая обстановка, существовавшая три сотни лет назад, не позволила учению и духовности Православной церкви стать широко известными в Англии. Это было время разделения, а не примирения между христианами. Одним из самых интересных явлений двадцатого столетия является открытие этого сокровища для народов Западной Европы. И в самом деле, в творениях св. Иоанна Лествичника, св. Григория Паламы, в самой Божественной Литургии св. Иоанна Златоуста присутствует духовное понятие света, с которой вполне могли бы согласиться многие современные квакеры. Причина этого заключена в самом тексте Нового Завета и в таком духовном понимании его смысла, которое многие называют «мистическим».

Мистически настроенный человек ищет значение слов и событий, лежащее под их поверхностью, в вещах невидимых, в мире духовной реальности. Среди ранних квакеров было много таких людей. Их прочтение Писания вело их к заключению, что Новый Завет, установленный Христом (Лк. 22.20), был исполнением пророчества Ветхого Завета, а именно того, что было предсказано в 31-й главе Иеремии. Следствием этого было радикальное изменение в понимании христианской веры. Внутренний опыт Нового Завета - это опыт Света Христова внутри, проявляющегося, как мы видели, напрямую, без культурного или интеллектуального посредника.

Здесь мы сталкиваемся с тем, что более поздние поколения называли квакерскими «характерными особенностями». Высоко ценя Библию, Друзья верили, что ее смысл открывается только тем, кто живет в том же самом духе, который вдохновлял писавших текст, который мы имеем сегодня. Библия сама по себе не является Словом, она указывает на Христа, который есть Слово. Отсюда следует, что спасение может быть результатом не правильной веры, а образа жизни под постоянным водительством света, результатом главным образом молитвы и праведной жизни. Поклонение Богу в таком случае становится откликом сердца, а не повторением слов, и вместо него возникает практика молчаливой молитвы.

Крещение, Причастие и другие «таинства» по-прежнему рассматривались как существенная часть христианского опыта, но они являлись внутренней реальностью, а не внешними обрядами. Таким образом, с самого начала Друзья отвергли внешние обряды. На служение тоже смотрели как на то, что зависит от Божьего призвания, а не от человеческого решения, так что опять-таки с самого начала Друзья отказывались

рукополагать тех, кто становился у них служителем. Следует осознать, что эти обычаи, довольно странные на первый взгляд, не отвергают библейские истины, но выражают то, что, как квакеры всегда верили, и составляет истинное библейское учение.

КВАКЕРСКОЕ УЧЕНИЧЕСТВО

Самой отличительной чертой квакерства была и остается форма ученичества, и это, возможно, именно то, на что указывал царь Петр в Фридрихштадте, когда переводил своим приближенным устное высказывание одного из квакеров во время молитвы. Главный принцип - что Свет Христов находится во всех людях, трудящихся над своим искуплением и совершенствованием, невзирая на то, насколько они развращены, - возможно, является основой того уважения к жизни, которое характеризует Друзей с самого начала их существования. Из того, что еще известно о них, мир признает их постоянное и бескомпромиссное сопротивление войне и подготовке к войне. Как мы видели, с самого начала взаимоотношений Друзей с Россией царь Петр поставил вопрос об их лояльности. Имеется два аспекта ответа, которые мы должны рассмотреть, - это вопрос о гражданских обязанностях христианина и о жизни христианина как свидетельстве.

Квакерство возникло, когда государство усиленно вводило религиозную ортодоксию в значительной мере теми же способами, какими официальная идеология в Советском Союзе требовала подчинения ее догмам. Религиозное инакомыслие подавлялось, и для всякого рода официальных должностей и процедур требовалось свидетельство о поддержке (вроде клятв и присяг) насаждаемого государством вида христианства. Существовали законы, запрещающие несанкционированные богослужения, публикации и собрания, и эти законы иногда приводили к суровым наказаниям.

Политические принципы, очерченные Баркли, совершенно ясны. Он не был анархистом и признавал, что политическая власть необходима, как с очевидностью учила 13-я глава послания к Римлянам. Но в отличие от многих других богословов он рисует иные последствия. Он несколько искусственно различает область морали и сферу совести и дает государству право силой добиваться первого, но не последнего. Он вручает власть над совестью церкви и доказывает, что если государство пытается вторгаться в дела совести, - это противно Писанию. Ясно, что эти принципы могли быть использованы для того, чтобы обосновать религиозную свободу как главную ветвь свободы совести и отказ от использования и ношения оружия как дело совести, отличное от должного повиновения, которое гражданин должен выказывать по отношению к государству.

В каком-то важном смысле мы имеем здесь дело с требованием более высокой лояльности, и это всегда было частью квакерской веры. Оно редко носило агрессивный характер, но, как мы увидим, записи показывают, что когда Друзьям бросали вызов, они всегда были готовы постоять за свои принципы, как делали это и многие граждане Советского Союза - в иных обстоятельствах, но в основном по тем же самым причинам. То, что для большинства квакеров на западе является историей, для многих граждан России - часть их живой памяти.

Примирение Евангелия и политической реальности звучит как пассивный процесс. Фактически же частью свободы совести, которой требовали Друзья, была свобода проповедовать и свидетельствовать о вере, а не о некоторой степени терпимости, необходимой для того, чтобы вести спокойную жизнь. Но манера проповеди у квакеров значительно отличалась от того, что практиковалось в других группах. Они культивировали такой образ жизни, который обнаруживал стремление стать свидетельством власти Бога, работавшего в них. Их жизни говорили о том, что они испытывали.

В самом деле, они сохранили слово «свидетельства» для тех ценностей, которые они пытались выразить в своей повседневной жизни. Самым очевидным было свидетельство о мире. Оно не является заявлением о противлении войне, где-то

записанным и выученным наизусть как нечто такое, что требуется вместе с верой при обращении. Такие заявления существуют, но не они образуют свидетельство, они просто его декларируют. Мирное свидетельство - это отказ Друзей участвовать в войне, потому что это несовместимо с духом и учением Иисуса Христа. В наши дни мирное свидетельство идет дальше. Оно включает также попытку выявить все источники насилия и конфликтов в личной и общественной жизни с тем, чтобы заменить их сотрудничеством. Подобным же образом Друзья стараются упростить свою жизнь и свои вкусы, дабы избежать гордыни и хвастовства, и во всех обстоятельствах стремятся говорить правду и выполнять все то, чего требует истина. Жизнь как свидетельство является примером для мира, а также дает тем, кто ведет ее, постоянное напоминание о том образе жизни, к которому они призваны.

Не требуется большого воображения, чтобы заключить из этого, что квакеры глубоко заинтересованы делом воспитания и образования. В Британии, Ирландии, Африке, Соединенных Штатах и Латинской Америке имеется множество школ, организованных квакерами, которые являются и преподавателями. Некоторые из них очень просты, обслуживают в основном неграмотное население, другие учат и оборудованы согласно самым высоким стандартам. Некоторые традиционны в своем отношении к обучению, другие носят экспериментальный характер. Имеются выдающие диплом квакерские колледжи и центры религиозного образования для взрослых, которые не выдают никаких дипломов, а также Библейские школы вроде знаменитого института в Каймоси в Кении, которые обучают всем видам церковного служения.

Вера Друзей заставляет их ценить образование в двух смыслах. С тем, что оно желательно само по себе, они охотно согласятся. Но в процессе понимания они видят больше, чем просто познание природы мира или фактов человеческого опыта. Они верят, что истинное образование - это способ раскрытия природы божественной тайны, в которой мы живем, и изучение привилегий и ответственности, которые приходят с этим знанием. Образование для Друзей поэтому всегда носит нравственный и религиозный характер. Отсюда следует неизбежный вывод, что способ, которым мы учимся, неотделим от того, чему мы учимся. Одна из первых квакерских школ поставила себе целью учить детей «всем вещам, гражданским и полезным», и с самого начала квакерское образование всегда имело очень практический характер.

Но в тот период, который мы можем назвать средним - восемнадцатый и девятнадцатый века - подразумевалось еще и большее. В это время квакерское движение отделилось от мира и всеми силами старалось уберечь своих членов и сохранить их чистыми и незапятнанными. Образование поэтому «охранялось». Как мы увидим позднее, литература и искусство считались опасными, и по отношению к ним терпимости не было. В квакерских домах и школах не звучало пение и не было картин. Классическая традиция предлагала то, что сейчас называется «ролевыми моделями», а их Друзья считали совершенно неприемлемыми для религиозного образования.

Квакерская традиция, как бы она ни менялась в деталях, постоянно сохраняла свою жизненную силу и привлекала внимание ученых из многих отраслей науки. Не было недостатка в историках, богословах, социологах и других,

кто желал бы теоретизировать по этому поводу. И действительно, иногда они делают удивительные и поучительные замечания. Но, возможно, квакерская традиция столь жизненна потому, что отдельные аспекты ее содержат в себе творческие противоположности. Квакерство носит творческий характер потому, что ему не удалось решить определенные противоположности (или противоречия), которые оно содержит. Оно всегда должно стремиться к равновесию между теми элементами, которые разрушат его, если им позволить, и история квакерства отчасти свидетельствует о том, что в разные периоды это едва не произошло.

Например, квакерство началось как весьма простой протест против излишнего рвения в области религии. Оно выступало за сущностную простоту Евангелия. Но стало связываться с таким мировоззрением, которое проводило резкое различие между тем

способом, с помощью которого мы узнаем Бога внутренне, и тем способом, с помощью которого мы можем узнать о Боге из нашего мирского опыта. Квакеры настолько не доверяли этому «внешнему» знанию Бога, что бежали от него. Они создали прекрасную, особую, новаторскую форму духовности, но они также отрезали себя от многого такого, что было хорошо в этом мире, и всегда должны были бороться за то, чтобы достичь примирения между этими двумя аспектами.

Очень многие люди в современном мире, нашедшие квакеров после долгих поисков реальности в религии, говорят: «Почему я должен был искать вас? Почему вы молчите о себе?» Здесь имеется другой парадокс. Друзья настолько уважают внутренний мир других и настолько верят, что Бог работает в людях наилучшим образом, что они прославились своей гуманитарной деятельностью, но при этом кажется, что они хранят свою веру, самое драгоценное из того, что они имеют, втайне. Так что периодически им приходится напоминать о том, как они начинали, об их взрывном евангелическом пыле. И следует сказать, что самые тихие Друзья и самые евангелические Друзья не всегда единодушны в делах религии. История этого мирного народа содержит некоторые очень горькие разногласия, как мы увидим ниже.

ОТЗВУКИ КВАКЕРСКОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ

Никто не знает, изменился ли Петр Великий после того, как встретил квакеров, или что случилось с книгами, которые они ему дали, или как изменилась жизнь тех приближенных, которые наблюдали его отношения с Друзьями. Нет документов также о контактах на более скромном уровне, которые наверняка происходили, поскольку нам известно о Балтийской торговле в семнадцатом веке и о путешествиях квакерских купцов.

Но документы - не единственный вид исторических свидетельств, которые могут иметь значение. Основатель квакерства Джордж Фокс был плодовитым автором писем. И хотя ответа, как известно, получено не было, он написал одно послание к китайскому императору и два царю Алексею Михайловичу - в 1656 и 1661 гг. В переписке с квакерским торговцем Уильямом Эймсом он упоминает, что «есть семя и в Польше, которое стремится к Друзьям», и, кажется, собирался проповедовать квакерское Евангелие далее на восток.

Позднее, в книге, написанной или посвященной в 1689 г., Джордж Фокс упоминает то, что ему сказал человек, который поехал в Россию вместе с английским послом десятью или одиннадцатью годами раньше. Есть сведения, что около шестидесяти человек, живших на расстоянии двухсот миль от Москвы, «не снимали своих шляп и не кланялись никому, кроме Бога». Они были доставлены к царю, которому был продемонстрирован этот обычай (или свидетельство) и, что неудивительно, эта независимость духа уроженцев России не произвела на него благоприятного впечатления. Он обезглавил три дюжины из их числа, «...и они умерли как агнцы, и ни один из них не отрекся...»

Кто же были эти люди? Каково происхождение их отказа выразить почтение царю и готовности умереть за свою веру? Свидетель утверждает, что их называли «Английские квакеры» - ужасающий факт. Каковы были их отношения, если были, с квакерами из Англии? Имелась ли квакерская церковь в глубине России семнадцатого века? Название их намекает на какую-то связь, и их готовность умереть ради своего свидетельства указывает на значительную глубину религиозной веры. Были ли они отдельным примером, или существовали и другие русские Друзья с самого начала? И что случилось с теми, кто выжил? Возник ли подпольный поток квакерской веры и свидетельств в России в те отдаленные времена?

Время от времени раздавались и иные слухи о квакерах в России. В девятнадцатом веке в Томске рассказывали, что в 1744 г. группа женщин, известных как «квакереи», были сосланы в этот город, по-видимому, из России, и жили там по-монастырски до тех

пор, пока их община не прекратила своего существования. Некоторые из местных жителей уважали их, некоторые видели в них еретиков. По всей вероятности, они содержали себя, рисуя заставки к книгам; говорили, что они имели прекрасный почерк. Отмечалось, что они аккуратно соблюдали православные обряды, но местное духовенство полагало, что в душе они все еще остаются верны «квакерской ереси», которая ставит доверие к власти или обряду гораздо ниже, чем личное духовное просветление. Их связь с историческим квакерством представляется гораздо менее возможной, чем связь «английских квакеров», обезглавленных царем, но сам по себе факт, что их называли «квакереи», показывает, что, хотя и понятое превратно, учение Друзей продолжало быть хорошо известным в определенных русских кругах на протяжении восемнадцатого века.

К девятнадцатому веку, как мы увидим, существовали уже вполне официальные контакты между Друзьями и благорасположенными россиянами, что подробно записано в документах. Время от времени кое-какие старые изустные сказания записывались английскими квакерами, путешествовавшими по тому пространству, которое в общем они знали как «Россию». В 1870 г. один Друг встретил в Тифлисе студента Одесского университета, который сообщил, что в районе между горой Арарат и Черным морем имеются колонии людей, известных как квакеры. Они пришли из области, расположенной к югу от Москвы одним или двумя поколениями раньше. Студент назвал три причины этой ссылки, которые соответствуют квакерским религиозным свидетельствам. Члены этой группы отказывались идти на военную службу, приносить присяги или принимать власть Православной церкви.

Во время и после Первой мировой войны вышли на свет другие истории. Одна повествует о группе людей, которых встретили квакеры, оказывавшие помощь голодающим; эти люди практиковали молчаливые молитвенные собрания в одном доме в Поволжье. Они утверждали, что происходят от тех, кто был обращен в квакерскую веру приехавшими столетием раньше английскими Друзьями. Они читали на своих собраниях краткие отрывки из Писания, но перестали исполнять обычай устного служения, потому что это было слишком рискованно.

В 1921 г. другие Друзья с запада встретили неких беженцев в той же части страны, которые сказали, что они являются членами группы, образованной в Англии тремя столетиями раньше. Они сказали, что ведут простую общинную жизнь и не имеют священника, но поют, говорят или сидят в молчании во время своих молитвенных собраний.

ИСТОРИЯ ДРУЗЕЙ

Далее последует рассказ о традиции, к которой принадлежали эти неопределенные фигуры как российской, так и квакерской истории. По необходимости этот рассказ будет сосредоточен на Англии и Америке, но мы будем отмечать времена, когда возникали существенные контакты между русскими людьми и Друзьями откуда бы то ни было, - вроде того, которого мы коснулись выше. Ранние квакеры являлись либо британцами, либо американцами, но большинство современных квакеров ими не являются. Самая большая группа Друзей живет в горах западной Кении, они - потомки туземных крестьян, обращенных американскими миссионерами.

Некоторые квакеры полагают, что эту группу с большой быстротой превосходят числом квакеры другой области, возделанной миссионерами из Соединенных Штатов - Центральной и Южной Америки. Когда квакеры Западного полушария встречаются вместе, они стараются сделать так, чтобы по крайней мере половину всего времени они могли говорить по-испански. Но даже и тогда можно услышать и другие языки. Те, кто был на международных конференциях, встречали квакеров-индейцев с Высоких Анд, с высокогорных плато Боливии и Перу.

Между тем старые центры сохраняют свое значение. Лондонское Ежегодное Собрание (теперь Британское Ежегодное Собрание) включает в свой географический ареал те места, в которых первые квакеры пришли к пониманию новой веры, которая была им дарована. Существует прекрасный старый дом для собраний в Джордане, недалеко от Лондона, где похоронен Уильям Пенн, «огромный высокий холм, называемый Пендл Хилл», на котором Джордж Фокс узрел в видении великий народ, который соберется вместе, замечательный старый особняк Суортмор, дом Маргарет Фелл, на которой Фокс впоследствии женился, - он стал центром самого первого взрыва квакерской проповеднической деятельности.

Филадельфия знаменита в Соединенных Штатах по причине связи своей с Уильямом Пенном, хотя теперь в ней находятся два важных колледжа, многочисленные квакерские школы и главные квартиры ряда национальных квакерских организаций, самые значительные из которых, может быть, - Комитет Служения Американских Друзей (AFSC). Но Филадельфия - не Америка. В Ричмонде (штат Индиана) - когда-то удаленном местечке за горами - работает центр новейшей формы квакерства, так называемой «пасторской традиции» - квакеров, которые имеют пасторов, чтобы заботиться об их конгрегациях, которые поют гимны и читают Библию на своих собраниях.

Так что современные квакеры очень отличаются от того, чем были их предки в старые времена. Наиболее поразительное отличие заключается в том, что с течением времени старый англо-американский вид квакерства трансформируется и изменяется новейшим квакерством, квакерством Африки и Латинской Америки. Суахили и испанский начинают конкурировать с английским в качестве квакерского языка. Уже в течение нескольких десятков лет орган, известный как Всемирный Консультативный совет Друзей, объединяет в себе Друзей со всей планеты, регион за регионом, и страны бывшего Советского Союза попадут в секцию Европы и Ближнего Востока.

Еще между современными Друзьями имеются различия в вере и практике, которых не существовало в квакерской жизни до начала девятнадцатого века. Мы видели, как квакерство было ответом на Реформацию, но история движется вперед. Сначала квакеры были затронуты великим возрождением, происходившим как раз около ста лет назад, и евангелическое квакерство теперь хорошо- организовано. Равным образом в квакерскую жизнь того же времени вошло движение за религиозный либерализм, и квакерские собрания стали родным домом для многих религиозных искателей, которым близки прогрессивные и недогматические ценности, которые разделяет эта часть традиции.

Общим для всех видов квакерства является живое обсуждение, происходящее время от времени. Можно с определенностью сказать, что они все признают свое общее наследие - рассказы и произведения великих Друзей прошлого - Маргарет Фелл и Джорджа Фокса, Уильяма Пенна, Мэри Дайер, Джона Вулмана, Леви Коффина, Элизабет Фрай и Лукреции Мотт, всех тех, кого мы скоро встретим. Когда все аргументы исчерпаны, сами эти жизни говорят за себя, и именно к ним Друзья обращаются за вдохновением. С одной стороны, они являются продуктом культуры и образа жизни. Но история показала, что этот образ жизни больше национальных границ или региональных культур. Это живой евангельский опыт, который все могут разделять. Он не знает границ и, хоть он и невелик, теперь он распространен по всему миру.

Глава 2

ХОЛМ ПРОЗРЕНИЯ

Весна в Англии часто бывает холодной. Это не то время, когда приятно бродить по деревенским дорогам, взбираться на холмы и спускаться в долины. Пословица велит не снимать зимней одежды до конца мая. Так что казалось немного странным, что весной 1652 г. молодой человек по имени Джордж Фокс пробирался по открытым всем ветрам

холмам Пеннинской гряды на севере Англии, порядком удаленным от его дома в средней Англии, пейзаж которой гораздо более дружелюбен.

Джордж Фокс, крепко скроенный молодой человек 27 лет, был проповедником. У него был пронизательный взгляд и отменное присутствие духа. В пережившей смятение стране, медленно поправлявшейся от ран, нанесенных гражданской войной, и охваченной лихорадочным интересом к религии, он был носителем особой вести. Как и многие другие реформаторы в христианской истории, он проповедовал возвращение к простоте и убежденности ранней Церкви. Он спорил с христианами только по имени, противопоставляя им, как он называл это, «силу, в которой пребывали Апостолы». Когда позднее он записал то, что испытывал, в своем «Дневнике», он снова и снова повторял там одну и ту же фразу: «Сила Господня была превыше всего».

Он бы «квакером». Это - странное имя для религиозной организации, но ни он сам, ни его последователи не выбирали его. Хотя они и приняли это имя с энтузиазмом, на самом деле оно было оскорблением. Ибо Фокс провел какое-то время в тюрьме перед своим путешествием на север. Сам он так рассказывает о происхождении этого имени: когда он был вызван на суд в Дерби, он сказал судье Беннету, что ему следовало бы трепетать (quake) перед силою Божией. Тогда судья назвал Фокса и его друзей «квакерами». Другое возможное объяснение этого имени - это легкое сотрясение тела от страха Божия, которое сопровождало момент обращения для многих ранних Друзей.

После того, как его выпустили из тюрьмы в Дерби, Фокс продолжил свое странствие на север, проповедуя и ища обратившихся, по всей вероятности, не имея ясного представления о том, что может случиться с ним или его новообращенными в будущем. Затем он спустился с холмов по направлению к Ланкаширскому берегу и увидел отдельно стоявший большой холм, называемый Пендл Хилл. Этот холм лежал в области, знаменитой в те времена ведовством. Но Фокс записывает, что он подвигнут был взобраться на вершину холма и там Бог показал ему «те места, где он угодовал великий народ, ожидающий того, чтобы собраться вместе».

Это было, должно быть, волнующе и загадочно, и прошло несколько недель перед тем, как Фокс опять спустился с холмов к деревне под названием Бригфлэттс, центру льняного производства, недалеко от Ланкастера. В воскресенье Пятидесятницы 1652 г. он посетил религиозное собрание на ферме под названием Боррэтс, которая все еще существует. Это, должно быть, было очень значительное время, так как Фокс записал, что это было место, где исполнилось его прозрение. Вскоре он нашел, что в сельской местности вокруг Ланкастера имелось множество искренне ищущих христиан. Значительное число их приняло его учение и сформировало ядро того, что впоследствии стало Религиозным Обществом Друзей.

Фокс всегда был драматической фигурой. Воистину, у него было драматическое мировосприятие. Когда он пришел в места, называемые теперь квакерами «страной 1652 г.», он имел учение, но не имел группы людей вокруг себя. Неверно было бы сказать, что у него не было последователей, потому что он и не искал последователей. В душе ему было ясно, что это Христос, а не Джордж Фокс, вдохновлял его миссию, и он с нетерпением ожидал революционного возрождения Церкви Нового Завета. Он не соглашался ни с государственной церковью, ни с отпавшими от нее реформированными церквями. Он выступал за что-то совершенно новое, а по его мысли - совершенно старое, возрождение истинной церкви, которая находилась в невидимом заключении в течение веков христианства, но которую Бог призывает ныне еще раз.

Так что его проповедь отражала его убеждения. Три дня спустя после исполнения его видения в Бригфлэттсе он пошел в рыночный городок Седберг и был приглашен войти в церковь и проповедовать там. Он отказался от этого и вызываясь влез на дерево, росшее в церковном дворе, и проповедовал оттуда. Народ в те дни любил проповеди. Он проповедовал с дерева в течение нескольких часов.

СОБИРАНИЕ КВАКЕРОВ

Он произвел сильное впечатление. Среди слушателей присутствовал Фрэнсис Хоуджилл, проповедник независимой церкви, которая имела своих членов по всей местности, где соединяются Ланкашир, Йоркшир и Уэстморленд. Вместе с ним были Томас и Джон Блэйклинги, у родственника которых Фокс некогда останавливался. Его проповедь, без сомнения, произвела на них впечатление, потому что вскоре после того Фокс был приглашен на большое религиозное собрание, которое должно было состояться в часовне на продуваемой ветрами горе, называемой Фербэнк Фелл.

Для того, чтобы подчеркнуть свою идею о том, что истинная церковь находится в сердце и в общине, а не в здании, Фокс и в этом случае вызывающе остался снаружи. Он взобрался на утес, который теперь называют «Фоксова кафедра», и проповедовал в течение трех часов. Говорят, присутствовало более тысячи человек, и Фрэнсис Хоуджилл и другие лидеры независимой церкви слышали достаточно для того, чтобы захотеть узнать больше об учении Фокса. На смену первоначальной подозрительности пришло выраженное с энтузиазмом одобрение, и наконец, несколько недель спустя, родилась община, от которой все квакерские собрания в мире в наши дни ведут свое происхождение.

Дома, в средней Англии, откуда он пришел, возникли несколько маленьких собраний, которые называли себя Детьми Света. Оскорбительное название «квакеры» было принято почти немедленно как неплохое имя для группы. Хотя больше всего им нравилось имя «Друзья истины». Им пришлось ждать более ста лет, прежде чем появилось название «Общество Друзей». Оно вошло в обиход только после 1780-х годов.

Затем последовал более романтический эпизод. Фокс отправился к западу, где длинное устье реки Люн разлилось так широко, что для того, чтобы перебраться на другую сторону, лучше идти по песчаному дну моря в период отлива, чем двигаться гораздо более длинным обходным путем по суше. В прежние времена монахи из близлежащего монастыря служили проводниками, потому что очень опасно идти по пескам, если не знаешь точно времени отлива и кратчайшего пути. На другой стороне устья находится город Олверстон, который тогда являлся важным центром, и Суортмор Холл, резиденция важного местного магната Томаса Фелла. Фелл поддерживал республиканское правительство Оливера Кромвеля и являлся членом как парламента, так и Верховного суда.

Когда Фокс прибыл, судья Фелл был в отъезде, и против воли местного приходского пастора жена судьи Маргарет, страстная и пылкая натура, со своими детьми и кое-кем из слуг испытала огромную притягательность Джорджа Фокса. Это вызвало большое замешательство во всей округе. Фокс и приходский пастор обладали совершенно противоположными характерами, и пастор пользовался большим уважением в семье Феллов.

Маргарет Фелл, которая была, помимо всего прочего, хозяйкой поместья, пригласила Фокса пойти в Олверстонскую церковь, и он, следуя вполне приемлемому в те времена обычаю, попросил слова после того, как пастор окончил свою проповедь. Это возымело два последствия. Во-первых, он тем самым начал долгий путь обращения Маргарет Фелл в квакерство, во всяком случае, глубоко взволновал ее душу, а во-вторых - его выгнали из церкви, и он вынужден был продолжать свою проповедь в церковном дворе.

Затем Фокс покинул Суортмор Холл и начал проповедовать по всему краю, в отдаленных городках и деревнях, чтобы затем возвратиться и встретить двух своих прежних товарищей, Джеймса Нейлера и Ричарда Фарнуорта, которые последовали за ним в эту часть страны. Дневник Фокса очень показателен в это время. К этому времени судья Фелл вернулся. Не обращая внимание на скандальные сплетни,

рассказанные ему о Фоксе, он сам расспросил пришельца, который произвел столь сильное впечатление на всех его домочадцев. Записи Фокса показывают, что судья уже собрал о нем значительную информацию. Можно романтически смотреть на Фокса как на неотесанного религиозного гения, но на самом деле он был достаточно состоятелен, чтобы себя содержать, достаточно уверен в себе, чтобы не дать властям себя запугать, и уже, видимо, известен по всей стране.

В это время Фоксу было двадцать восемь лет, и он дважды побывал в тюрьме. По мере того, как он продвигался по стране и проповедовал, ему все больше приходилось испытывать насилие разных уровней по отношению к своей личности от рук толпы, подстрекаемой его оппонентами. Один раз его вытащили из города Олверстона и избили. Он оправился, встал, протянул свои руки и стал просить их бить его снова. Что, конечно, кое-кто не преминул сделать, вывихнув ему руку. Он умудрился добраться опять до города, и солдат, стоявший неподалеку, без всякого сочувствия сказал: «Сэр, мне стыдно, что вас так отделали, вы ведь человек».

Наконец, противники его предприняли серьезные шаги. Фокс был обвинен в богохульстве и предан суду в Ланкастере, главном городе края. Серьезность обвинения заключалась в том, что он был уже осужден за то же самое преступление в Дерби, и новое осуждение означало бы изгнание из страны. Невозможно представить себе Фокса, подчинившегося такому приговору, так что счастливым для него исходом было то, что обвинение запуталось в крючкотворстве и маневрах с законом, в которых его оппоненты потерпели неудачу и не достигли цели. В 1652-55 гг., в значительной мере благодаря эффективному и решительному руководству Маргарет Фелл, квакерство вышло на национальную сцену английской истории. «Мать квакерства» начала использовать ресурсы Суортмор Холла, чтобы защитить, а затем и поощрить вставшее на ноги религиозное движение. Она поддерживала контакты со странствующими квакерскими евангелистами путем переписки и личных встреч, всегда держа свой дом для них открытым. Значительная часть ее переписки сохранилась.

Вдобавок она играла ведущую роль в создании Фонда Кендала, деньги которого должны были быть использованы для оплаты пастырского служения и для поддержки Друзей, оказавшихся в тюрьме. Затем в 1654 г. лидеры движения на севере выбрали подходящий момент для того, чтобы начать национальную миссию. Так начинается история «Героических Шестидесяти».

ПЕРВЫЕ КВАКЕРСКИЕ МИССИОНЕРЫ

Квакерство распространилось по Британским островам и затем далее в результате деятельности нескольких замечательных людей. Вначале около шестидесяти человек, сорок восемь мужчин и двенадцать женщин, по двое разъехались по Англии. Они двигались парами, как обычно делали христианские евангелисты в соответствии с Христовым велением, пославшим проповедовать семьдесят учеников, как сказано у Луки, гл. 10. Самый драматический успех ждал их в главных городах - Лондоне и Бристоле, но ответ на квакерскую проповедь географически был неодинаковым.

Прием, который им оказывался, может быть проиллюстрирован на примере истории Энн Одланд. В одном городе ее посадили в тюрьму вместе с ее напарником, и затем суд присяжных нашел ее невиновной в богохульстве. Поскольку она была признана невиновной, она отказалась дать обязательство хорошего поведения в будущем, ибо сделать это - значило бы отречься от своего свидетельства говорить всегда правду независимо от обстоятельств. Она провела зиму в подземном каземате, где «ползали лягушки и жабы». Записано, что «Божие присутствие и мир, который они вкушали, делали их отвратительный зловонный каземат дворцом».

Вина или невинность часто носили нематериальный характер, когда власти или население собирались совершить злодейство. В Кембридже двух проповедниц - Мэри Фишер и Элизабет Уильямс - окружила толпа студентов, обвинила их в нарушении

общественного порядка и провела по улицам под ударами бича. Подобные же инциденты произошли в Оксфордском университете. Неудивительно, что Джордж Фокс заметил: получить образование в Оксфорде или Кембридже еще недостаточно для того, чтобы сделаться служителем Христа.

Однако эти бесстрашные души невозможно было удержать. Мэри Фишер отправилась с группой квакерских евангелистов на Ближний Восток. Оставив группу (неясно, была ли она с самого начала членом группы), Мэри переправилась из Греции в Турцию и, проделав путешествие пешком в 500 миль, добралась до турецкого султана Мохаммеда IV в Адрианополе. Каким-то образом к изумлению всех эта одинокая путешественница, не имевшая ни богатства, ни связей, добилась аудиенции у султана. Когда ей предложили говорить, она стала в молчании ждать слов, которые даст ей Бог. Слова, наконец, пришли и были переведены. Когда она закончила, ее спросили, все ли это. Она сказала, что да и спросила султана, понял ли он. Он ответил, что понял и что сказанное ею - истина. Однако он не стал квакером.

Квакеры направились не только на восток, но и на запад. В Бридлингтоне, в Англии, один Друг по имени Роберт Фоулер почувствовал, что Бог призывает его построить корабль «как дело истины», который он назвал Вудхаус, чтобы плыть в Новую Англию. Менее подходящее для плавания через штормовую Северную Атлантику судно трудно себе представить. Тем не менее, он приплыл на нем в Лондон и нашел там нескольких друзей, желающих отправиться на нем. Они плыли, руководствуясь скорее Богом, нежели компасом, но против всякого ожидания пристали у Лонг Айленда. В начале путешествия их отнесло противными ветрами к южному берегу Англии. Они сошли на берег и начали проповедовать. История их свидетельствует о том, что они «зажгли костер и оставили его гореть».

В некоторых частях Америки Друзей встретили дружелюбно, но в Новой Англии с ними обращались хуже, чем дома, в Старой Англии. Незадолго до визита к султану Мэри Фишер попыталась проповедовать вместе с Энн Остин в Бостоне, Массачусетс. Их нелегально выслали из страны, и были изданы суровые законы, запрещающие судовладельцам привозить квакеров в колонию. Друзей бичевали, сажали в тюрьму, а затем выслали. Если они возвращались во второй раз, их приговаривали к смертной казни. Таким образом погибли четыре квакера, двое из них были те, кто выжил, пересекая океан на Вудхаусе.

Другой пример - Мэри Дайер, чья статуя сейчас стоит в Бостоне в непосредственной близости к Государственному управлению Массачусетса и месту ее казни. Друзья направили петицию английскому королю Карлу II с требованием прекратить эти ужасные казни, и он послал в Бостон указ, согласно которому если в будущем какой-нибудь квакер будет там приговорен к смертной казни, его следует вернуть в Англию для судебного разбирательства. Он также устроил так, что этот указ властям деспотической колонии привез квакер, который сам подлежал этому запрету.

Эта дата, 1660-й год, - один из поворотных пунктов в истории раннего квакерства. С республикой было покончено, когда король Карл II возвратился на трон, и многие надеялись, что он установит век религиозной терпимости. Возможно, это и было его намерением, но в его парламентах сидели люди, которые многое потеряли во время политических сумятиц того времени и не были расположены делать уступки религиозным или политическим смутьянам. В соответствии с этим были изданы статуты, ущемляющие права всех религий, кроме государственной церкви.

ПРОПОВЕДЬ И ГОНЕНИЯ

К этому времени главные черты квакерской веры были уже ясно очерчены. Это была любопытная комбинация исторического, библейского и мистического. Квакеры начали, как и все мы должны начинать, со своего собственного положения. Они читали в своих Библиях об Апостольской церкви и видели, как далеко отошла церковь их дней от ее

примера. Вместо нищеты было богатство, вместо простоты - бахвальство. Вместо любви - гонения. Не было ни силы, ни усердия, просто раболепие перед государством и погоня за должностями.

Именно разочарование в том, что должно было быть Реформацией, стремление вернуться к Новозаветному христианству дали Джорджу Фоксу ощущение, что Бог в его время делает великое дело, и что он является частью его. Друзья не рассматривали себя просто как реформаторы церкви, они верили, что должны сыграть главную роль в работе, которую Бог совершал в истории. Сегодня это может прозвучать как большая претензия, но они были детьми своего времени.

Они вошли в самую суть проблемы. Они доказывали, что причина потери Апостольской веры состоит в том, что историческая церковь недостаточно очистилась для того, чтобы порвать с законами и обычаями Ветхого Завета. Когда Иисус говорил о Новом Завете, новых отношениях между Богом и человеком, - орудием которых он был, он говорил о внутренней, духовной реальности, открытой всем, кто обратился к себе самому, чтобы найти ее внутри себя.

Друзья читали: «Был Свет истинный, Который просвещает всякого человека, приходящего в мир» (Ин. 1.9). Это было историческим фактом. Они читали также: «Я свет миру; кто последует за Мною, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни» (Ин. 8.12). Это было мистическим фактом. Свет Христов находится в сердце, и там мы должны искать его. Чтобы подтвердить эти слова, они находили слова Павла: «Потому что Бог, повелевший из тьмы воссиять свету, озарил наши сердца, дабы просветить нас познанием славы Божией в лице Иисуса Христа» (2 Кор. 4.6).

Такое понимание Евангелия создало революционную общину с революционной интерпретацией Библии, на которую по праву смотрели как на смертельную угрозу. Если внутренний завет означал, что крещение и причастие являются внутренними реальностями, не было нужды в духовенстве или богато украшенных зданиях, чтобы там исполнять их - и не было нужды также в церковных налогах. Не было нужды и в символе веры, чтобы определить, кто принадлежит к церкви, а кто должен быть исключен. Если Дух Христов действует в каждом, женщины могут проповедовать так же, как и мужчины, так как Писание говорит, что во Христе нет ни мужеска, ни женска пола.

Это были некоторые черты учения ранних Друзей. До сих пор помнятся отдельные фразы. Фокс в те ранние дни «предостерегал людей о том страшном дне, когда Господь придет на землю». Он учил: «Христос придет сам учить свой народ». Он говорил ранним квакерским проповедникам, что если они будут верны Евангелию, они станут «бодро идти по миру, отвечая тому, что есть от Бога в каждом». Так они и поступали, и, подобно Тому, кому они следовали, в любви своей они познали ненависть мира сего.

Многие рассказы об их героизме, об их стойкости в гонениях и готовности идти по дороге, проложенной ранними христианами, датируются этим временем. Эти истории должны интерпретироваться с учетом исторических обстоятельств, и следует признать, что квакеры никогда не подвергались таким организованным и свирепым гонениям, какие испытали веком раньше меннониты и другие европейские анабаптисты.

Гонения не были непрерывными, и существовали периоды, когда они утихали, и места, где власти были гораздо менее усердны в исполнении законов. Опять же, хотя квакеры были главными нарушителями, законы были направлены против протестантских нонконформистов всех видов, и страдали также баптисты и конгрегационалисты. Вдобавок это было время политической нестабильности и роста власти Франции в Европе. Король, как думали, был тайным католиком, а антикатолические законы были довольно свирепыми.

Друзья имели сложности с двумя главными законодательными установлениями. Первое было фикцией, а второе парламентским правилом. Фикция называлась премунирой; это латинское слово означало, что все люди, которые предстают перед судом по какому бы то ни было поводу, должны приносить присягу в том, что они отвергают власть Римского папы и лояльны к короне Англии. Фактически квакеры, может быть, с чистой совестью делали бы и то, и другое, если бы их не просили произносить клятву, на что они не могли согласиться. Здесь и находилась ловушка. Если их обвиняли в преступлении, даже очень причудливом, они никогда не могли дойти до суда, потому что их заключали в тюрьму за отказ приносить присягу на предварительной стадии.

Вторым положением являлся Акт о тайных молельнях 1664 г., усиленный Вторым актом о тайных молельнях 1670 г. Он провозглашал незаконным для кого бы то ни было содержать, посещать или проповедовать в любом религиозном собрании кроме государственной церкви. Три истории из жизни ранних Друзей показывают эти установления в действии.

В 1663 г. возник заговор против короля, организованный прежними республиканцами, и власти подозревали каждого, кто мог одобрять изменения в правительстве. Ведущие квакеры знали многих из старых членов парламента, так что подозрения не были целиком безосновательными. Власти пожелали расспросить Джорджа Фокса, и вместе с Маргарет Фелл он встретился с ними в месте, называемом Холкер Холл, недалеко от Суортмора. После становившихся все более язвительными нападок Фоксу и Маргарет Фелл предложили произнести клятву верности королю.

Естественно, они не могли этого сделать и были брошены в тюрьму в Ланкастере. Маргарет Фелл освободили несколько раньше, чем Джорджа Фокса, которого перевели в замок Скарборо, где камера его была открыта жестоким ветрам Северного моря. Условия тюремного заключения были настолько тяжелыми, что по своем освобождении в 1665 г. Фокс оказался серьезно болен.

Много других лидеров, а также рядовых членов нового религиозного движения страдали от такого обращения. Было подсчитано, что вплоть до дарования религиозной терпимости в 1689 г. около 15 тысяч Друзей были арестованы и из них около трехсот умерли за свою веру - не от обычных орудий пыток, но от холода, болезней и плохого содержания в тюрьмах их родной страны.

Акт о тайных молельнях действовал по-разному, и в начале он приводил к приговору о высылке на каторгу в колонии при втором нарушении. В мае 1665 г. шерифы Лондона готовы были погрузить на корабли сорок квакеров, но тогда велась война с Голландией, и немногие капитаны желали рисковать своими кораблями в Проливах. Хозяин корабля под названием «Черный орел» заключил контракт о транспортировке сорока Друзей в Америку, но заключение в тюрьму за долги и бегство его команды помешали немедленной отправке. В конце концов корабль отчалил и с неизбежностью был захвачен голландским капером. Оба судна попали в шторм, и «Черный орел» под голландским флагом причалил в Бергене, в Норвегии, где квакеры попробовали поискать возможности проповедовать, после чего они были отправлены в Амстердам, их соединили с другими, и наконец, с чувством облегчения, а не торжества, они вернулись в Лондон.

В самые первые годы своего существования Друзья поклонялись Богу в амбарах и частных домах, но по мере роста движения появилась тенденция покупать или снимать помещения для молитвенных собраний. Это все еще было, строго говоря, противозаконно, и имеется запись, что Друзья в Рэтклиффе, к востоку от Лондона, однажды приехав, нашли свой молитвенный дом разрушенным. Так что они просто устроили свое собрание среди обломков кирпичей, дерева и глины. В Ридинге и Сторбридже Друзья все еще рассказывают истории о временах гонений. В обоих местах представители закона явились и арестовали членов собрания всех целиком, и повели их в тюрьму. Но дети смело продолжали собираться на молитву до тех пор, пока их родители и родственники не возвратились.

Так что положение нового религиозного движения было весьма рискованно в начале второй половины семнадцатого века. У него были ясные принципы и харизматический лидер, но если бы оно зависело от своих лидеров, властям было бы легче его контролировать. Джордж Фокс мог быть пастырем и вдохновителем Друзей, но он всегда был уверен, что ведет их сам Христос. Иногда он пользовался образом войны Агнца из книги Откровения, чтобы описать ненасильственную, но ожесточенную духовную брань, в которую он видел вовлеченным современный ему мир.

Фокс вышел из тюрьмы Скарборо с пошатнувшимся здоровьем и увидел, что его религиозная община терпит жестокие гонения и нуждается в подкреплении. В этот момент он, без сомнения посоветовавшись с другими, решил, что следует найти путь создания организации, которая помогла бы всему движению выдержать нападки, которым оно подвергалось. Было принято решение усилить ветви движения.

НАЧАЛО ОРГАНИЗАЦИИ

В соответствии с этим, как только ему позволило здоровье, Фокс начал поездку по всей стране, приводя в порядок неразбериху собраний, которые возникали и разрастались в разных местах, с разными целями, в разное время. Организационные формы, которые принял сейчас квакерский мир, были заложены в то время. В основу был положен принцип, что собрания должны регулярно сходиться вместе, чтобы решать общие дела на протяжении всего года. Местные собрания устраивали общие моления обычно чаще, чем раз в неделю. Но затем они собирались вместе с другими группами раз в месяц на ежемесячное собрание. Затем ежемесячные собрания встречались четыре раза в год на квартальных собраниях, и наконец, все это увенчивало ежегодное собрание раз в год.

Все Друзья, за исключением совсем изолированных одиночек, теперь принадлежат ежегодному собранию - в таких отдаленных местах, как Аляска, Бурунди, Перу и Япония; но в Англии потребовалось некоторое время, чтобы добиться этого. Уже существовали национальные собрания, но регулярными они стали только после 1678 г. Честь поддержания самого древнего регулярного ежегодного собрания в квакерском мире принадлежит Друзьям в Новой Англии, которые впервые встретились в 1661 г.

Это были дни растущего понимания того, чего требует квакерское евангельское учение. С самого начала Друзья отказывались платить десятину, и часто их добро отбиралось государственными служащими и продавалось, чтобы восполнить то, что им следовало уплатить в государственную церковь. Мирное свидетельство - отказ брать оружие - быстро возрастало, пока не стало существенным элементом учения. Отказ давать клятвы и присяги в любых обстоятельствах часто вел, как мы видели, к тюремному заключению. Все эти «свидетельства» были фактически демонстрациями того, чем, как думали Друзья, должны быть христианская жизнь и христианское общество. Они носили простую одежду в то время, когда принято было выставлять себя напоказ, и отказывались использовать титулы или говорить с людьми в принятых формах вежливости. В английском языке это было использование множественного «вы» вместо единственного и простого «ты» и «тебя».

Такое поведение во всем отделило их от государственной церкви. Церковь была неразрывно связана с местным управлением. При приходах существовали богадельни, и приходы оказывали помощь бедным. Приход был также главным покровителем школ как в городе, так и в деревне, и обеспечивал людям место последнего успокоения на кладбище. Друзья по совести не могли пользоваться всеми этими преимуществами, так как они напали на самую их основу. Так что им пришлось устраивать все эти дела самим.

Здесь, по всей видимости, лежит начало характерной квакерской заботы о воспитании и образовании и происхождение должности «наблюдателя», которая теперь имеет различные названия. В каждом собрании имеются Друзья, ответственные особенно за пастырскую работу. Важным элементом укрепления собраний для Джорджа Фокса

являлось установление везде, где возможно, отдельных женских деловых собраний, так чтобы женщины играли существенную роль в жизни церкви. Значительная часть пастырской работы должна была осуществляться этими собраниями. Они рассматривали предложения о заключении брака, чтобы увериться в том, что дела идут в правильном направлении. Они старались отдать детей в обучение ремеслу или найти им место в услужении другим членам общины. Следует, однако, сказать, что их решения обычно утверждались мужскими деловыми собраниями.

Формального членства в ранний период не существовало. Да в этом и не было нужды. Стать квакером - было без сомнения опасным шагом, и добровольное присоединение к этой группе влекло за собой значительный риск, не только по отношению к самому себе, но и по отношению к своей семье.

ДВА РАННИХ КВАКЕРСКИХ МЫСЛИТЕЛЯ

К 1670 году нарождающееся Общество Друзей претерпело уже суровые гонения при двух режимах, но выжило в бурях. Последуют еще бури, но оно уже показало, что имеет прочность и выносливость. Теперь оно получило право на жизнь отчасти благодаря двум людям, которые сформулировали его самосознание, защитили его против критиков на высочайшем интеллектуальном уровне и все еще пользуются значительным влиянием на формирование квакерской мысли. Первый был англичанином, основателем Пенсильвании Уильямом Пенном (1644-1718), другой был шотландцем, тем самым, книга которого была, возможно, известна Петру Великому и могла вдохновить ряд неизвестных русских квакеров; его звали Роберт Баркли (1648-1690).

Пенн был сыном адмирала и родился в Лондоне, на холме, где стоял Тауэр. У него были большие связи: он служил во флоте вместе с братом Карла II, который стал его преемником под именем короля Якова II. Он учился в Оксфорде, но был исключен из университета, что весьма рассердило его отца, и послан в путешествие по Европе. Он записал потом, что в одном месте его вызвали на дуэль, потому что он задел кого-то на улице. Он отклонил вызов, возможно, с презрением, понимая всю тривиальность причины, а позднее, как говорят, спросил Джорджа Фокса о ношении шпаги. Он и не применил бы ее, но чувствовал себя без нее не одетым. Фокс, как полагают, сказал: «Носи ее, пока можешь!» Пенн был придворным и всегда соблюдал необходимый этикет. Но, может быть, он не всегда отличался здравым суждением.

В чумном 1665 году адмирал Пенн послал своего сына в Ирландию, чтобы присмотреть за своим поместьем. По странному совпадению, которые случаются в истории, Пенн вошел однажды в лавку в Корке и обнаружил, что хозяйкой ее была квакерша. Он вспомнил и рассказал ей, как будучи мальчиком он слышал квакерского проповедника Томаса Лое в Ирландии, и сказал, что прошел бы сотню миль, чтобы снова услышать его проповедь. Улыбнувшись, женщина сказала ему, что Лое будет завтра проповедовать в Корке на собрании. Пенн пошел туда, и это было началом его квакерства.

Пенн стал писать памфлеты, и в Лондоне его заключили в Тауэр за публикацию религиозного сочинения без разрешения. Позднее он фигурировал в прославленном процессе вместе еще с одним Другом по имени Уильям Мид. Однажды молитвенный дом на улице Грейсчерч в Лондонском Сити оказался запертым, чтобы помешать состояться квакерскому собранию, так что прибывшие Друзья начали свое собрание просто на улице возле дома. Оба, Пенн и Мид, проповедовали, и, вероятно, произошла сумятица, вызванная зеваками, стоявшими вокруг, потому что они оказались обвиненными в подстрекательстве к мятежу.

На процессе судья приказал присяжным решить, что эти двое являются виновными, что они отказались сделать. Поэтому судья заключил в тюрьму присяжных и держал там до тех пор, пока они не сделают, как было приказано, но они и тогда отказались.

Председатель присяжных подал жалобу в высший суд, который преодолел решение судьи, и Пенн, Мид и присяжные вышли на свободу. Принцип, что судья не может указывать присяжным, какой вердикт они должны вынести, и по сей день остается кардинальным пунктом английского права.

Жизнь Роберта Баркли не была столь полна событий, но он вышел примерно из той же среды. Его отец был солдатом в армии Густава Адольфа во время Тридцатилетней войны в Германии, а его мать состояла в отдаленном родстве с королевским домом Стюартов. Воспитанный в кальвинистском духе, Роберт был послан учиться в Шотландский теологический колледж в Париж, католическое заведение, ректором которого был его дядя. Его «Апология» - это произведение, отличающееся большой ученостью, с частыми цитатами из католических и протестантских ученых, и основания для строгого изложения в ней квакерских принципов были без сомнения заложены в Париже.

Баркли возвратился в Шотландию в возрасте пятнадцати лет. Его мать умерла, монархия была реставрирована, а отец его заточен в тюрьму в Эдинбурге за то, что занимал государственную должность при республиканском режиме. Находясь там, отец Роберта находился в одной камере с квакером. В результате этого опыта он и его сын почувствовали интерес к квакерству и вскоре обратились. Роберт Баркли жил в семейном поместье в Юри, неподалеку от Абердина, и женился на Кристиане Моллесон, чье родство восходило к двум Друзьям, впервые встретившим Петра Великого. Так что существовали семейные связи, распространявшиеся еще дальше на восток, чем поле битвы центральной Германии.

В 1670-е годы произошло много событий, которые оформили квакерскую организацию. Движение это было теперь общенациональным и не собиралось поддаваться напору гонений. В третьем веке Тертуллиан, один из Отцов Церкви, говорил, что кровь мучеников явилась семенем Церкви. В течение всего периода гонений Друзья предпочитали встречаться открыто, а не втайне, как другие сектанты, и, по словам одного наблюдателя, по этой причине снискали всеобщее восхищение и находили все новых последователей.

Уже существовал и исполнительный орган. Те проповедники, которые оставались в Лондоне по понедельникам, как и ожидалось, посещали Утреннее собрание Второго дня. Так это называлось потому, что одним из квакерских свидетельств, все еще соблюдаемым во многих местах, было называть дни недели по порядковому номеру, так что воскресенье было «первым днем», понедельник - «вторым днем» и так далее. Тот же самый принцип применялся и к названию месяцев года - например, ноябрь назывался «одиннадцатый месяц». Это поначалу делалось для того, чтобы подчеркнуть, что принятые названия носили языческий характер, и истинные христиане должны употреблять иные слова.

Это собрание имело ряд функций. С самых ранних времен существовал национальный секретарь, действовавший от его имени. Все публикации должны были утверждаться, и строго следилось за выходом антиквакерских книг - не нуждаются ли они в ответе. Они были настолько пристрастны, что в одном случае (к его собственному возмущению) отказались опубликовать сочинение самого Джорджа Фокса!

Было создано также «Собрание в помощь страждущим». Может быть, существование этого органа сделало неизбежным, что квакеры стали пионерами социальных реформ, а не отдельной и изолированной общиной, какой они легко могли стать. Фактически законодательство семнадцатого века было жестоким, несистематическим, коррумпированным и часто ужасно сложным. Друзья страдали от наказаний, которые были совершенно законны, но они также зависели от крючкотворства, невежества и злобы. Они могли бороться против этого с помощью «Собрания в помощь страждущим».

Иллюстрацией тому может служить заключение в тюрьму квакерского мистика и писателя Айзека Пеннингтона, одного из прекраснейших представителей квакерского духа во всей истории квакерства. Пеннингтон был заключен в тюрьму из-за спора о его земельном владении судьей, который стремился навредить ему. Хотя законных оснований для тюремного заключения не было, Пеннингтон в течение двух лет содержался в тюрьме Эйлсбери, убежденный в том, что его страдания - часть того креста, который Бог дал ему нести. В конце концов сторонники добились его освобождения, и судья, который разбирал жалобу, выразил озадаченность тем, почему столь долго безнаказанно продолжалось незаконное тюремное заключение.

В этом случае имела теологическая проблема, и массы членов Общества Друзей не желали участвовать в деле Пеннингтона. Так в 1676 г. было создано Собрание в помощь страждущим. Оно имело представителей из каждого графства в стране и собиралось в Лондоне. Оно собирало информацию, нанимало адвокатов, выступало в спорах по делам и оказывало влияние на тех, кто стоял у власти. Юный новообращенный энтузиаст Уильям Пенн был привлечен к этому делу по причине его связей в верхах.

КОНЕЦ НАЧАЛЬНОЙ СТАДИИ

К этому времени английское квакерство имело уже почти такую же самую структуру, как в наши дни. Эта модель была использована в американских колониях, но следует ясно понимать, что корни американского квакерства имеют в значительной степени местный характер. Сам Джордж Фокс посетил Америку в 1671-73 гг. и оставил полный и взволнованный отчет о том, на что была похожа тамошняя религиозная жизнь в те давние времена. Письмо, которое он и несколько других Друзей направили правителю колонии Барбадос, - это стандартный символ веры квакеров, которые сейчас являются евангелическими с теологической точки зрения.

Однако квакерство не развивалось без проблем. Хотя Джордж Фокс не был похож на других лидеров, он обладал в новой общине большим авторитетом, который время от времени оспаривался. Первый серьезный пример тому - это нелепый спор о способе квакерской молитвы, так называемый «спор о шляпах».

Это началось с возвращения в Лондон Джона Перрота, одного из ранних квакерских евангелистов, проповедовавших на Ближнем Востоке в той же самой группе, что и Мэри Фишер, перед тем как она отстала от нее, чтобы встретиться с султаном Мохаммедом IV. Перрот и другой Друг по имени Джон Лаффе вместо этого отправились в Рим, чтобы увидеть Римского папу. Лаффе вскоре скончался, а Перрот провел некоторое время в доме для умалишенных и был выпущен вскоре после реставрации монархии в Англии в 1660 г.

Когда он вернулся, он начал собирать свои отдельные собрания безотносительно к Утреннему собранию Второго дня и начал привлекать множество последователей. Затем он стал отвергать квакерский обычай снимать шляпу или чепец для тех, кто вслух читал молитву на собрании. Хотя дело это может показаться совсем незначительным, но здесь затрагивался очень серьезный принцип. Друзья верили, что Дух Святой ведет их к истине, как обещал Иисус (Ин. 16.13), и здесь получалось, что либо они ошиблись в водительстве Духа, либо что водительство духа подвержено изменениям.

Никакая альтернатива не была приемлемой. В самом деле, Друзья уже убедились в трудных обстоятельствах, что Дух Христа неизменен. Когда король Карл II вернулся на трон в 1660 г., толпа энтузиастов-миллениариев призвала людей Пятой монархии поднять вооруженное восстание в Лондоне. В это время многие квакеры были арестованы по подозрению в сочувствии мятежу, и было выпущено знаменитое заявление о мирном свидетельстве, утверждающее, что Христос привел их на пути мира и не намерен изменить свое учение и заставить их сойти с этих путей. Так что они не могут сделать ничего иного, как отречься от Перрота.

Перрот отправился в Вест-Индию и Америку, и существование его версии квакерства могло стать одним из мотивов путешествия туда Фокса десятью годами позже. После этого случались периодические расхождения (как случалось и до этого). Самое серьезное связано с именем одного из «героических шестидесяти» Джона Стори, хотя ежемесячное собрание, которое вышло из Общества Друзей, позднее вернулось в него. Другое, происшедшее в конце века, привело к существованию отделившейся группы в районе Филадельфии в Америке, но со временем оно сошло на нет.

Это, конечно, случилось спустя значительное время после основания этого города как главного города колонии Пенсильвания. В 1681 г., во время усилившихся религиозных гонений в Англии, и некоторое время спустя он оказался вовлеченным в составление конституции для другой колонии; тогда-то Уильям Пенн и задумал ту идею, которая стала известна как «Святой эксперимент».

Король Карл II был должен весьма значительную сумму денег адмиралу Пенну, и было предложено, чтобы большой кусок земли в долине реки Делавер в Америке был выдан наследнику, чтобы погасить этот долг. Пенн хотел, чтобы в Америке был выдан наследнику, чтобы погасить этот долг. Пенн хотел, чтобы эта земля звалась Сильвания, но король был тверд, как алмаз, в убеждении, что она должна называться Пенсильвания по имени отца Уильяма. Между этими двумя людьми существовали хорошие отношения. Рассказывают, что когда Уильям стал Другом, он, конечно, ни перед кем не снимал своей шляпы. Он явился при дворе, и король, улыбаясь, сказал: «Итак, господин Пенн, в присутствии короля только один человек может оставаться в шляпе, так что я полагаю, я лучше сниму мою». Что и сделал.

Пенн был рационалистом и сторонником демократических свобод, а также верующим христианином; он стремился создать такое государство, в котором были бы установлены религиозные и политические свободы. Были предприняты необходимые шаги для правильного и быстрого отправления правосудия. Тюремные дома должны были стать работными домами, в которых заключенные занимались бы производительным трудом, а все дети до двенадцати лет должны были обучаться какому-нибудь полезному ремеслу или умению. Конечно, квакеры имели огромное влияние в колонии, но там не существовало государственной церкви и десятины.

Много других радикальных христианских групп из Европы приехали беженцами в Пенсильванию, некоторые со странными названиями, вроде «Швенкфельдеров», но большинство из них имели очень много общего в вере с Друзьями. Меннонитская община в Джермантауне, неподалеку от Филадельфии, обеспечила себе бессмертие в связи с тем, что это была первая в Америке группа, которая провозгласила, что рабство - зло. Может быть, самой большой группой в первые дни были валлийцы.

Колония, конечно, должна была платить и не была кооперативом. Пенн хотел поставить все на правовую основу и знал, что по праву земля принадлежит индейцам, так что он начал вести с ними переговоры о покупке. В отличие от всех остальных, он обращался с ними, как с равными, и выказывал им уважение, и эти добрые отношения с квакерами продолжались в течение многих лет. Но Пенн не был хорошим управляющим и попал в различного рода затруднения. Из-за дальности расстояния он посещал колонию редко, и в конце своей жизни был заключен в тюрьму за долги и стал инвалидом, пережив удар. Несмотря на эти личные трагедии, он остается одним из наиболее влиятельных квакеров всех времен и пионером в развитии англо-американской демократии.

По мере того, как семнадцатое столетие подходило к концу, политические перемены в Англии приносили значительное улучшение положения квакеров. С конца периода республиканского правления в 1660 г. королям было трудно править Англией. Они симпатизировали католицизму и католическим державам, но народные симпатии оставались на стороне протестантизма. Это был период, в который было признано, что общество плюрализма с неизбежностью нестабильно, так что религиозные различия невозможны. Это по крайней мере казалось рациональным оправданием гонений.

Однако взгляды эти постепенно менялись, и в 1688 г. в результате бескровного переворота последний католический король Англии был смещен, и установлено протестантское престолонаследие, когда преемниками его на троне по приглашению и с согласия парламента стали совместно король Вильгельм и королева Мария. Парламентское верховенство и протестантское престолонаследие стабилизировали жизнь в стране и в результате Акт о терпимости 1689 г. устранил все гонения, от которых страдали сектанты. С этих пор они могли со... покровительством государства, и их обряды и церемонии стали пользоваться уважением.

Но не совсем. Все еще необходимо было приносить присягу верности короне и быть членом государственной церкви для того, чтобы занять государственную должность и поступить либо студентом, либо преподавателем в Кембриджский или Оксфордский университеты, либо заниматься любой профессией, которой там обучали. Последние из этих ограничений будут отменены только в девятнадцатом веке, но век героического сопротивления уже прошел.

Так что теперь для квакерства стало возможным расти без давления мирского неодобрения. Можно только гадать, что произошло бы, если бы эти ограничения не сохранились, но факт состоит в том, что энергия этих людей в Англии обратилась в сторону бизнеса. Та сфера жизни, в которой они оказались совершенно свободными, была сферой, где они были способны достичь выдающихся успехов. Свидетельство истины означало, что Друзьям можно было доверять. Соответственно в Англии и особенно в Филадельфии мы видим, как медленно, но верно поднимаются большие квакерские купеческие семьи.

Чтобы уравновесить это, среди Друзей существовала и сельская традиция. В этот период существовало движение из сельских местностей в города Англии или еще миграция в Американские колонии, где впоследствии различие интересов городских и сельских Друзей способствовало возникновению некоторых прискорбных разногласий.

Вдобавок век становился все более и более скептическим, возможно, в ответ на эксцессы религиозных войн первой половины столетия. Друзья также потеряли огромную евангелическую силу первого периода своей истории и начинали подчеркивать всякого рода расхождения между собой и внешним миром, и эти расхождения стали называться «оградой». Их усилия стали посвящаться заботе о своей собственной общине более, чем об обращении мира к истинной вере. В восемнадцатом веке возникла очень рафинированная и особая религиозная культура, и к ней мы должны теперь обратиться.

Глава 3

ТИХИЙ САД

В восемнадцатом веке в России бушевала эпидемия оспы, и Екатерина Великая твердо решила, что ее опустошительные последствия следует смягчить. Это было время, когда медицинская наука только начинала познавать, как справляться с такими болезнями. Сама императрица предложила испытать на себе прививку в качестве примера для своего народа и попросила своего посла в Лондоне тактично разузнать о подходящем английском докторе, который мог бы подвергнуть ее лечению.

Было предложено, что посол сам станет пациентом знаменитого лондонского врача, доктора Джона Фотерджилла, который был квакером. Фотерджилл рекомендовал своего коллегу по имени Томас Димсдейл. Сначала возникли некоторые колебания, но потом Димсдейл принял назначение и в июле 1768 г. отправился в Санкт-Петербург. Императрица обошлась с доктором с большой щедростью и доверием, пожаловав в его распоряжение дом, карету и четверку лошадей.

В течение некоторого времени императрица готовила себя к прививке, которую она хотела провести в большой тайне. Когда пришло время, поздно вечером за Димсдейлом была послана карета, и он поспешил во дворец, взяв с собой больного в легкой форме ребенка, который должен был обеспечить гной для прививки императрице. В течение пяти дней не разрешалось произносить ни одного слова о прививке и, согласно традиции, наготове держались рысаки, если императрица почувствует скорбь и доктору нужно будет спешно спасаться бегством.

Но бегство не понадобилось. Прививка была успешной, и в результате карьера Димсдейла была сделана. Он сделал прививку наследнику престола и членам многих знатных семейств. Он был награжден, сделан членом государственного совета и получил почетную военную должность генерал-майора. Димсдейл оставался в России еще несколько месяцев, а затем вернулся домой и открыл там свою собственную оспенную клинику. Он предпринял еще одно путешествие в Россию, чтобы сделать прививки внукам императрицы.

Доктор Димсдейл (1712-1800) был весьма примечательной личностью с точки зрения квакерской истории, потому что он был отрекшимся Другом, то есть он был лишен членства в Обществе за нарушение одного из наиболее важных правил. Проступком его было то, что в 1741 г. он «женится на стороне», взяв в жены не-квакершу - и по неизбежности не прибегая к квакерской церемонии брака. Это правило, которое не разрешало Друзьям жениться и выходить замуж за не-Друзей, постоянно применялось до середины девятнадцатого века. Однако наказание не было таким суровым, как кажется. В течение всей своей жизни Димсдейл посещал квакерское собрание, как будто он был членом, и когда он умер, его тело было похоронено на квакерском кладбище по собственной его воле.

Он поэтому хорошо иллюстрирует то, чем стало Общество Друзей к середине восемнадцатого века. Не совсем понимая, что происходит, квакеры перестали быть расширяющимся евангелическим движением и превратились в секту, группу людей, озабоченных тем, чтобы сохранить свои религиозные особенности, выстраивая барьеры между собою и миром вокруг себя, создавая серию правил и обычаев, которые позднее стали известны как «ограда».

КВАКЕРЫ В НАЧАЛЕ ВОСЕМНАДЦАТОГО ВЕКА

Много причин приводилось, чтобы объяснить такое развитие. Вообще-то это довольно часто встречающийся феномен в религии. Харизматическая личность с ясной и отличающейся от других доктриной собирает группу, которая желает принять высочайшие стандарты веры и ученичества. Они не идут на компромиссы с миром, но верят, что история на их стороне и они реформируют или заменят более крупную церковь, порочность которой, как они полагали, они определили и могут исправить.

Различия между членами группы и теми, кто находится за ее пределами, обостряются специальными положениями. Создаются особые различительные слова. Часто секта сохраняет старомодный стиль одежды, когда стиль и моды меняются. Обычно поддерживается строгая внутренняя дисциплина, и свобода уклоняться от общественных норм сурово ограничивается. Например, искусство рассматривается как противное религиозному духу, и его избегают.

Секты стараются воспитывать своих детей в собственных школах, так как все они сталкиваются с проблемой передачи первоначального энтузиазма и преданности следующим поколениям. Они имеют склонность разъединяться, когда авторитет основателей начинает подвергаться сомнению, и сами проходят через опыт движений обновления.

Перед тем, как влиться в современный мир в середине девятнадцатого века, Общество Друзей следовало этому образцу, и, как мы видели, английский доктор императрицы

Екатерины был наполовину в Обществе, а наполовину вне его. В квакерстве восемнадцатого века мы теперь можем видеть, как некоторые секты способны создавать сильные и красивые образцы ученичества и духовности. Ниже последует рассказ о той организации, к которой принадлежал доктор Димсдейл - по духу, если не по форме.

Вполне возможно допустить, что Томас Димсдейл носил простую одежду. Это означает, что на нем был простой сюртук без лацканов, и не было на одежде никаких украшений или нашивок любого рода, которые не были бы чисто функциональными. Он, возможно, снимал свою шляпу в присутствии императрицы Екатерины, но после этого, может быть, и нет, и почему - мы увидим ниже.

Мы знаем, что его жена не была Другом, но его мать была, так что мы можем догадаться, что она тоже носила простое платье. Она не носила ювелирных украшений, возможно даже обручального кольца, и ее одежда имела те же самые скучные цвета, которые носили ее сын и остальные члены семьи. Когда она выходила из дому, она надевала чепец, и, может быть, в доме носила маленькую муслиновую шапочку. Тот факт, что Ежегодное собрание время от времени уговаривало Друзей сохранять это свидетельство простоты, показывает, что оно не всегда соблюдалось, но в целом Общество Друзей отличалось от прочих своей одеждой, и квакеров можно было узнать в толпе.

СВИДЕТЕЛЬСТВА

Странная и отличительная одежда была частью того, что Общество Друзей называло «наше христианское свидетельство», частью его стремления к тому, в чем они усматривали истинное христианство, и протеста против того, в чем они видели искажение христианства. Слово «свидетельство» возникло для того, чтобы отметить определенные принятые Друзьями нравственные и теологические позиции, и вполне обычно говорить о «свидетельствах». Каждый знает, что это такое, но они подвергаются постоянному обсуждению.

Простая одежда доктора Димсдейла и его матери и других родственников имеет двойную функцию. Для тех, кто носил ее, она была постоянным напоминанием о том, что гордыня - это гора, отделяющая душу от Бога, а снежной вершиной этой горы является тщеславие. С самого начала она также была вызовом гордыне других. Использование простого языка и отказ снимать шляпу - часть того же самого.

Большинство языков имеют различия между обычной и вежливой формами обращения, и в ранние дни квакерской истории вежливая форма использовалась по отношению к тем, кто стоял выше говорившего на социальной лестнице или иным способом заслужил уважение. Поскольку Друзья приняли сказанное в Писании, что Бог не взирает на лица, они пользовались одной и той же обычной формой речи по отношению ко всем. Они отказывались произносить титулы любого рода и называли всех по имени. Они также отказывались кланяться или снимать свои шляпы перед такими людьми, как судьи. Они отрицали, что такое поведение выражает их неуважение, и заявляли, что этого требует христианская простота.

Это свидетельство простоты не сводится к социальным отношениям и является выражением скромности во всем, что делали Друзья. В некоторых частях Церкви духовным идеалом является святая нищета. Это не имеет места в квакерстве, но по сути свидетельство простоты, может быть, поддерживать труднее. В любом случае оно разрешает верующему жить в мире и принимать его вызов, будучи в то же время верным Христовой простоте.

Непохоже, чтобы доктор Димсдейл изучал медицину в Англии. Его сын, сопровождавший его в качестве помощника, когда он лечил императрицу Екатерину, был студентом в Эдинбурге, в Шотландии. Причина заключается в религиозных

ограничениях, которым были подвержены Друзья в Англии в связи с их отказом проходить религиозные тесты при приеме в университеты и произносить присягу верности короне. Они провозглашали свою гражданскую лояльность, но отказывались клясться.

Это является частью того, что иногда известно как свидетельство истины и по существу не нуждается в объяснении. В широком смысле оно означает попытку избежать двойных стандартов, когда это приносит преимущества, и отказ от того, чтобы полагаться на буквальную истину, тогда как полная истина является чем-то значительно большим. Рассказывают, что два фермера-квакера шли однажды по дороге на севере Англии. Один из них сказал: «Я вижу, что стадо овец вон там только что было пострижено». Другой ответил: «Да, по крайней мере половина из них».

Суть этой истории в том, что второй фермер был настолько педантичен, что не мог утверждать ничего такого, чего не видел своими глазами. Так как он не мог видеть ту сторону овец, которая была скрыта от него, он не мог утверждать, что они были пострижены целиком. Это не совсем то, что подразумевается под свидетельством истины, но это - хорошее предостережение. Мы все имеем тенденцию выходить за пределы фактов, а мы не должны делать этого.

С теологической точки зрения это глубокое высказывание. Бог есть истина, и творение выражает эту истину. Так как Бог всегда присутствует как в малых вещах, так и в больших, мы должны быть готовыми к встрече с божественной истиной во всякое время. Это свидетельство имеет целью не подчинение правилам и узость взгляда, которую продемонстрировал второй фермер, а жизнь в гармонии с Божией волей, потому что именно она является истиной.

Третье свидетельство - это свидетельство мира, из-за которого Друзья лучше всего известны. Не все Друзья были пацифистами с самого начала существования Общества, но очень скоро в этом свидетельстве они увидели неизбежное следствие той веры, которую они приняли. В 1651 г., прямо перед последней битвой Гражданской войны в Англии, заключенным в тюрьмах предложили свободу при условии, что они пойдут сражаться в парламентскую армию. Джордж Фокс был в это время в тюрьме в Дерби. Когда ему предложили такие условия освобождения, он сказал: «Я ответил им, что я живу в преимуществе той жизни и той силы, которая устраняет всякие причины войн...»

Как и в случае со свидетельствами об истине и простоте, здесь содержится убежденность в том, что это тот образ действий, которого хочет от нас Бог. Свидетельства - не политические заявления, а религиозные принципы, и именно поэтому они всегда подвергаются дискуссиям и всегда изменяются в ответ на изменяющиеся обстоятельства.

Следует помнить, что квакерская вера не записана в каком-либо раз и навсегда принятом основополагающем документе или символе веры. На самом деле это могучий принцип квакерства самого по себе. Но то же самое может быть приложено и к его нравственному учению. Свидетельства провозглашаются время от времени, чаще в делах, чем в словах, следует сказать, но нет такого документа или книги, где можно было бы найти их классическое выражение.

Вот почему ведется постоянная дискуссия о том, должно ли быть свидетельство о том, или об этом, и требуют ли свидетельства расширения в определенном направлении. Например, Уильям Пенн говорил, что мир бедных может жить за счет излишеств мира тщеславных. Принцип остается тот же, и в наше время свидетельство простоты может быть распространено на заботу о правильном распределении мировых ресурсов. Мирное свидетельство вначале говорило о неучастии в войне. В наши дни мы знаем о многочисленных корнях социального насилия, так что свидетельство это по праву расширилось на все виды новых обстоятельств.

В течение первых восьмидесяти лет своего существования (или около того) в Обществе Друзей не было формального членства. Этого и не требовалось, так как гонения были ценой принадлежности к Обществу, и только истинно обращенные хотели платить эту цену. Но в 1730 г. возник кризис. Движение бедных Друзей в города было настолько сильным, что городские Друзья не имели возможности заботиться о них. Так что Лондонское ежегодное собрание решило, что те, кто переехали, в течение двух лет остаются под пастырским покровительством того собрания, откуда они прибыли. Так возникли списки, и тем самым членство. Стать членом - не значило пройти процедуру вроде крещения, да это и не подразумевалось.

Так возникло формальное членство в Обществе. Человек становился «убежденным», и имя его вносилось в список, который вело ежемесячное собрание, или становился квакером, если был рожден в квакерской семье. Основной ячейкой Друзей была семья, а не отдельная личность. Такие Друзья назывались, и в некоторых местах все еще называются Друзьями «по праву рождения». Если бы на членство смотрели как на религиозный статус, это означало бы нарушение свидетельства против внешних установлений и высказываний. Это может показаться аналогичным баптизму, но на самом деле это не так.

Членство стало развиваться после того, как сектанты достигли свободы вероисповедания в результате «Славной революции» 1688 г. В этот год король Яков II отрекся от престола, и парламент предложил его Вильгельму Оранскому, штатгальтеру, или монарху Нидерландов, и его жене Марии, которая стала королевой Англии. Революция эта установила престолонаследие протестантского королевского дома. Страхи политических беспорядков с устранением религиозных причин успокоились, и путь к терпимости был открыт.

СОБРАНИЯ И МОЛИТВЕННЫЕ ДОМА

Акт о терпимости 1689 г. устранил многие из законодательных ограничений для сектантов. Зарегистрировав свои места для молитвенных собраний, они могли иметь собственные богослужения. Их пасторы (это не значит, что квакеры имели духовенство) могли спокойно произносить свои проповеди. Им разрешалось совершать собственные бракосочетания и похороны, и больше не было преступлением не молиться в государственной церкви. Прежде квакеры построили один или два молитвенных дома в тех местах и в то время, когда законы не исполнялись слишком сурово, но у них не было свободы строить так, как они хотели. В различных частях Англии и Соединенных Штатов можно все еще увидеть старые квакерские дома для собраний. Они почти все построены по одному и тому же плану, и этот план отражает традиционный образ квакерской жизни.

Прежде всего существует название. Протестанты имеют обыкновение резко различать между церковью, которая является сообществом людей, и зданием, в котором собирается община. Если группа христиан желает подчеркнуть это различие, то шаг, который она может предпринять, - это дать месту, где она собирается, другое название. «Место для собраний» или «Дом для собраний» звучит просто и точно, и большинство общин английских сектантов начали с этого названия. Только квакеры, однако, продолжали его использовать, хотя в Англии иногда до сих пор можно найти пресвитерианские или баптистские дома для собраний.

Затем существует размер. Между 1715 и 1718 гг. был произведен осмотр нонконформистских церквей, и он обнаружил, что среди сектантов не-квакеров наиболее многочисленное членство и наибольшее число мест для богослужения имели пресвитериане. Квакеры, с их наименьшим числом, имели наибольшее количество домов для собраний. Так что в среднем каждая из конгрегации, вероятно, была невелика. Это порождалось опытом. Редко случалось, чтобы дом для собраний объединял больше, чем сотню людей.

Дома для собраний не содержали никаких символов или украшений. Православная церковь сияет славой со своими многочисленными иконами и изображениями святых. Внутренняя слава, к которой были призваны квакеры, не имела внешнего выражения. В их домах для собраний были чистые стены и простое дерево, и поскольку не было ни священника, ни литургии, не существовало также ни алтаря, ни иконостаса.

Однако имелось то, на чем можно было сосредоточить внимание. В одной стороне дома для собраний пол был приподнят, и с каждой стороны к этому возвышению вела лесенка. Это называлось «галереей», и на ней сидели служители, несколько человек, как мужчины, так и женщины. Ниже их находилась иная скамья, повернутая к конгрегации и потому называемая «повернутая лицом скамья», на которой сидели старейшины. Члены собрания сидели лицом к галерее, женщины по одну сторону, мужчины по другую.

В некоторых местах в конце комнаты на стороне, противоположной повернутой лицом скамье и галерее, имелся балкон. Под ним находилась небольшая комната, где женщины проводили деловые собрания. Эта комната отделялась от главной комнаты для собраний большими деревянными перегородками, которые можно было поднять или опустить, когда было необходимо увеличить или уменьшить размер главной комнаты.

Молящаяся община, которая собиралась в этих домах, сидела в молчаливом ожидании, иногда в течение двух или трех часов. Они собирались в первый день недели, а городах - часто и в четвертый день. Некоторые слова, которые они использовали, дают нам ключ к тому, что происходило в их душах. Несомненным опытом, который испытали большинство Друзей, даже сегодня, было то, что называлось «сосредоточение». Это означает, что через десять минут или четверть часа после начала молчания молящийся чувствует необычайный мир и единство с группой. Это, вероятно, сходно с тем, что западная созерцательная традиция называет «воспоминанием», если это не то же самое.

Слова в действительности не участвуют в этом процессе. Это форма бессловесной молитвы, которая иногда получается, а иногда нет. Оставаться верным, даже если этот опыт отсутствовал, называлось быть «бесплодным», но и в таком случае человек должен стараться и быть «верным». Когда собрание полно верными Друзьями, неизбежно появляется безошибочное чувство единства или причастности группе как целому. Собрание, как говорят «собрано».

Ожидалось, что в это молчание Бог может послать слова, и с самых ранних времен на собраниях звучали проповеди, слова увещания или ободрения, личного свидетельства или молитвы. Когда раздавалась молитва, тот, кто молился вслух, снимал шляпу или чепец и вставал. Остальные присутствующие на собрании преклоняли колени. Такой обычай кажется совершенно излишним в двадцатом веке.

Право говорить имел любой Друг, но те, кто обладал особым даром и произносил проповеди регулярно, были известны как проповедники. Во многих частях квакерского мира все еще существует обычай вести записи проповедников, этот обычай возник в связи с историческим курьезом. В самом начале ведущие Друзья признавались неформально, и ожидалось, что те, кому случалось быть в Лондоне во второй день недели, будут посещать Утреннее собрание Второго дня, собрание, которое по сути было коллективным квакерским руководством. Друг по имени Уильям Гибсон расписывался в этом собрании в 1722 г., но не был принят объединенными Друзьями.

Естественно, последовали разногласия, и Ежегодное собрание должно было решать спор между этим Другом и собранием. Подобно Соломону, оно решило, что это собрание не должно указывать и выбирать, кого оно желает принять, но что только местные ежемесячные собрания могут признавать проповедников. После этого те, кого признавало Утреннее собрание, были теми, кого прежде признали их местные

собрания. Поскольку признание это стало фиксироваться протоколом собрания, оно стало известно как «запись».

В современном Обществе Друзей имеются значительные расхождения во взглядах на этот обычай, который сохранился в некоторых местах, но не сохранился в других. Во многих американских собраниях, где существуют назначенные пасторы, имеются также записанные проповедники, так что сохраняется свидетельство, что проповедничество свободно. В некоторых ежегодных собраниях, где было совсем немного или вообще не было пасторов, такая организация полезна, потому что она позволяет государству признать квакерских капелланов в больнице или тюрьме как прошедших должную процедуру утверждения в своей деноминации.

С другой стороны, Лондонское ежегодное собрание прекратило практику записи в 1920-х годах, потому что чувствовало, что все бремя проповеди в молчании было возлагается на тех, кто был записан, и это означало, что дар обычных Друзей находится в пренебрежении. Однако в восемнадцатом веке такой обычай процветал, и от него пошли два значительных явления. Первым из них был квакерский дневник.

КВАКЕРСКИЕ ДНЕВНИКИ

В семнадцатом веке пуритане в Англии и Америке начали писать духовные биографии, и знаменитый «Дневник» Джорджа Фокса принадлежит к этому жанру. Как он сам говорит, он писал его, «чтобы все могли знать действия Господа внутри меня». Главное в таких дневниках - не столько личная жизнь, сколько то, что Бог в ней творит. Следуя за Джорджем Фоксом, несколько сотен Друзей оставили свои дневники, многие из которых были напечатаны, и из них мы можем почерпнуть очень хорошее представление о том, чем являлось проповедническое призвание.

В век, когда круг чтения, дозволяемый Друзьям, был очень ограничен, нужно было как-то отвечать на нужды развития воображения для предприимчивости, романов, героизма и утверждения веры. Дневники рассказывали как о том, что означает быть серьезным квакером, так и о захватывающей жизни, которая наступала вслед за этим призванием, хотя авторы их были далеки от того, чтобы руководствоваться этим намерением.

Многие авторы дневников рассказывают об особом детском восприятии Бога как духа любви, а не придирчивого распорядителя судеб, хотя это обычно не сочеталось с каким бы то ни было чувством близости. Это скорее похоже на то, как если бы авторы испытывали глубинное чувство безопасности. Это чувство чаще всего появлялось в уединении или на природе, и несомненно формировалось как результат квакерского обычая молчаливого и чающего ожидания, а также их способа обращения к Писанию. В трактате Уильяма Пенна «Ни креста, ни венца» подчеркивается, что Христос имел обыкновение искать подкрепления сил и общения с Богом «в горах, садах и на морском берегу». Если вас воспитывали так, что вы знали о пророке Илии, вам нужно было только спрятаться в каком-нибудь скалистом месте, чтобы осознать возможность слышать тихий слабый голос.

Мы читаем затем рассказы об отрочестве, обычно времени сомнений, искушения или отчаяния, и хотя на грехе не делается особого упора, он тем не менее является реальностью, и большинство юных Друзей испытали эту таинственную и ужасную сторону религиозного опыта. Молодой человек принимал заветы чистой жизни и квакерские свидетельства, становился преданным участником собраний, женился и входил в повседневную жизнь Общества.

Но позднее могла развиться дальнейшая, в высшей степени нежелательная стадия смятения. Мог явиться призыв к проповедничеству. Дневники повествуют об этом иногда без тени удовольствия. Очень часто будущий проповедник проходил через муки нерешительности, думая о том, следует ли ему встать и говорить или нет. Неудача рассматривалась как серьезное непослушание. А сделать это в том случае, если это не

было Божьим призывом, считалось в высшей степени самонадеянным. Наводившие ужас предостережения Ветхого Завета были слишком реальными для людей, отчаянно старавшихся делать то, что надлежало.

С течением времени пришло искусство пронизательности. Было время, когда проповедник учился не «бежать впереди наставника», говоря слишком много или «удерживая в себе» то, чего в действительности требовал Бог. Они часто «переворачивали шерсть», как всегда делали евангельские христиане. В книге Судей Гедеон оставил стриженую шерсть на земле на ночь и попросил Бога послать росу только на шерсть, а на землю нет, и тем самым дать ему знак, а затем, чтобы проверить еще раз, на следующую ночь попросил Бога послать росу на землю, а шерсть сохранить сухой. Такое название было дано процессу различения того, идут ли слова, данные проповеднику, воистину от Бога, или возникают от воображения самого проповедника.

Многие, может быть, большинство проповедников редко выезжали за пределы своих местных общин. Существовали специальные встречи, называемые «особые собрания», где они встречались со старейшинами для взаимной поддержки и ободрения и чтобы увериться в том, что духовные нужды их собраний удовлетворяются. Такие встречи имели место на всех уровнях квакерства, ежемесячно, ежеквартально и ежегодно.

Однако некоторые проповедники чувствовали призвание ездить со своими проповедями. Это может показаться благословением в век, привыкший к туризму и быстрым коммуникациям, но в век лошадей и парусных судов это было скорее наоборот. Когда призвание к путешествиям являлось проповеднику, он должен был изложить дело всему собранию, которое могло согласиться, а могло и не согласиться с тем, что это было подлинным словом от Бога. Если это было так, о семье проповедника (призвание приходило к женщинам, как и к мужчинам) начинали заботиться, и обычно, во всяком случае что касается путешествия по родной стране, следовало попросить собрание выделить товарища по поездке.

Призвание к поездкам часто заводило проповедников в отдаленные уголки их страны, но в течение почти столетия оно требовало пересекать Атлантику для посещения квакерских общин на другом ее берегу, в Европе или Америке. В век воздушных полетов и мгновенной связи это сделать легко, но в прежние времена путешествующие проповедники сталкивались с многими трудностями, и некоторые умирали, следуя своему призванию.

Они везли с собой драгоценный документ - протокол путешественника. Это было письмо от их местного собрания, поручающее их заботе Друзей на все время их путешествия и признающий, что проповедники отправились в поездку «под заботой», как до сих пор говорится в письме. Когда они прибывали в какой-либо район, они должны были посещать все деловые или молитвенные собрания, которые были намечены во время их пребывания там, посещать все семьи того или иного собрания и часто устраивать религиозные или евангелические встречи с другими христианами.

ДЖОН ВУЛМАН

Одним из самых прославленных проповедников в квакерской истории был Джон Вулман (1720-72). Вулман был внуком одного из ранних квакерских иммигрантов из Англии в Нью Джерси и рос в большой фермерской семье. Он не был старшим сыном, так что должен был полагаться на самого себя, и отец устроил его помощником продавца в местной лавке, где он изучил торговлю, уже научившись кое-чему из топографии и элементарной юриспруденции от отца.

В своем дневнике он записывает, как росло его религиозное сознание, и рассказывает, как в довольно юном возрасте его однажды позвали для того, чтобы составить договор о продаже раба для одного квакера. Он сделал это, но сказал, что в душе ему было нелегко все это произвести. Он был по всей видимости очень способным человеком,

потому что после этого он описывает, как оставил это дело, потому что обнаружилось, что он таким способом может зарабатывать очень большие деньги, и он почувствовал, что преданность делу, необходимая для этого, помешает его религиозному развитию. Так он начал работать портным, ища не богатства, а достатка в жизни.

В 1746 г. он предпринял проповедническое путешествие в Вирджинию и был поражен результатами рабовладельческой системы. Он останавливался в домах Друзей и там, где это представлялось необходимым, задавал им вопрос, нравственно ли владеть как собственностью человеческими существами. Он доказывал, что институт рабства влечет за собой много зла, не только в жизни обращенных в рабство, но также и в жизни рабовладельцев, и более того, что такого рода игнорирование экономических реальностей стоимости труда разрушает экономику в целом и рождает любовь к богатству и легкости жизни, что в свою очередь порождает много зла. В некоторых случаях он оставлял хозяину дома, где жил, некоторую сумму денег, равную тому, что, как он думал, было реальной стоимостью рабского труда, который был потрачен на него задаром.

Отрицание Вулманом рабства не являлось просто сиюминутной эмоциональной реакцией. На основании нравственного решения, что институт рабства в принципе неправомерен и порождает страдания, он доказывал, что он поэтому противен «чистой мудрости» - одному из его сильнейших убеждений. Слова эти взяты из послания Иакова 3.17: «Но мудрость, сходящая свыше, во-первых чиста, потом мирна, скромна, послушлива, полна милосердия и добрых плодов, беспристрастна и нелицемерна».

Если мы думаем о «мудрости» как о Божьей воле в этом мире, о нравственном и духовном порядке, который Бог хотел бы видеть установленным, то божественная воля будет проявлять себя повсеместно. Мы поэтому должны постоянно стараться жить согласно с нею. Джон Вулман не только выступал против рабства, он отказывался, как и многие другие аболиционисты, квакеры и неквакеры, пользоваться товарами, которые были сделаны с использованием рабского труда, заходя даже так далеко, что сознательно носил одежду из некрашеного материала, что делало его вид весьма необычным.

Между 1756 и 1763 годами французы и британцы воевали друг против друга на трех континентах, и эта война стала известна как Семилетняя война. Именно на североамериканском театре этой войны Джордж Вашингтон приобрел свой первый военный опыт. До этого периода правительство Пенсильвании находилось в руках квакеров, хотя они и потеряли свой статус как большинство.

Не желая поддерживать ведение войны, они, наконец, вышли из правительства колонии.

В это беспокойное и опасное время Джон Вулман почувствовал, что он призван совершить путешествие на запад, в спорную пограничную область, захваченную французскими и индейскими отрядами. Он пишет, что хотел посетить деревню индейцев, с которыми был уже знаком по причине их связей в городе Филадельфии. Намерением его было как свидетельствовать перед ними, так и, как он говорит, поучиться у них. «Любовь была первым движением», - говорит он, описывая то состояние духа, в котором он отправился. Как всегда честный, он так же искренне признается в страхе, который при этом испытывал.

Тем не менее, доверие к Богу, которое обнаруживали все проповедники, оставившие нам свои дневники, поддерживало его, и он наконец прибыл в деревню Виалусинг, где организовал несколько собраний для молитвы и поклонения Богу. Дух, в котором он пришел, был таков, что жители деревни, не говорившие на его языке, тепло его приветствовали.

Вождь Папануханг, отвечая на молитву, которую произнес Вулман на собрании, ответил через переводчика: «Я люблю чувствовать, откуда исходят слова». Эти слова известны квакерам повсюду; их собственный опыт классически выражен Тем, которому, как видно, это понимание было дано непосредственно Богом. Это пример всеобщего света, посредством которого Христос просвещает всех, кто готов действовать так, как он им указывает.

Друзья имели много встреч с индейцами и заслужили их доверие, так что сохранился ряд историй об их взаимоотношениях. Одна из них, заканчивающаяся печальной моралью, касается двух братьев, которые держали ферму на границе во время войны. Они должны были идти в течение часа через лес, чтобы добраться до своего большого поля, и никто не причинял им вреда, хотя они знали, что война бушует вокруг и близлежащие фермы сожжены.

Одного брата, наконец, обуял страх, и он убедил другого, что они для защиты должны взять с собой мушкет. В тот день они погибли. Много позднее один индеец сказал: «Они этого не знали, но мы их охраняли все время. Как только они взяли свое ружье, мы поняли, что доверие ушло, и они могут обратить его против нас. Поэтому мы сделали то, что должны были сделать».

ДРУЗЬЯ В БИЗНЕСЕ

Вулман был членом Филадельфийского Ежегодного собрания в то время, когда, вынужденное отказаться от своей роли в правительстве провинции, оно нуждалось в том, чтобы найти новые пути отношения к обществу, существенной частью которого оно все еще являлось, но которое отвергло его ведущую роль. Семилетняя война означала новый поворот в квакерской истории, и было предложено, чтобы филантропия, основанная на успехе в бизнесе, стала одним из способов, с помощью которых Друзья в Филадельфии смогли бы поддержать свои позиции.

Уже в Англии можно было наблюдать процесс аккумуляции богатства. Между 1670 и примерно 1690 годами наблюдалось сильное передвижение квакерского населения. Многие Друзья эмигрировали в Американские колонии, многие другие переехали из сельской местности в города. К началу XIX в. Английское квакерство стало уже по большей части городским феноменом, и квакеры были процветающими, если не богатыми, людьми. В самом деле, Друзья отмечены в экономической истории и в фольклоре как деловые люди. В Европе и США имеются несколько продуктов со словом «квакер» на них. Это слово несло в себе намек на то, что продукту можно доверять. Использование этого слова говорит нам, что люди, собиравшиеся купить этот продукт, уже знали, что квакеры - люди, достойные доверия.

Мы знаем, что в Филадельфии и в Соединенном Королевстве ряд очень больших компаний были основаны Друзьями и в течение многих лет управлялись квакерами. Мы знаем также, что квакеры всегда занимались филантропией в одних и тех же местах. Это было частью движения за евангельскую реформу, которое сильно проявилось в Соединенных Штатах начала девятнадцатого века, но позднее в том же веке затерялось в дебрях фундаментализма. В Англии, однако, оно оживило радикальные традиции в связях между методистской церковью и лейбористской партией и стало важным компонентом христианского социализма.

Мы могли бы начать наш рассказ о Друзьях в бизнесе с идеи успешного квакерского бизнесмена и обществоведа Джона Беллерса (1654-1725), возможно, самого прозорливого из экономических мыслителей, порожденных Обществом Друзей. Джон Беллерс - автор идеи о том, что для борьбы с циклической и технической безработицей и ее последствиями - нищетой и болезнями, нужно иначе организовать производство.

Беллерс предложил то, что он назвал «Производственные содружества», - экономические ассоциации, скорее чем фирмы, производящие целый ряд товаров. Они

находятся в частном владении, но подобны некоторым из социалистических коммун, ставших модными в начале XIX века. Теория состояла в том, что путем договора и обеспечения таких вещей, как образование и здравоохранение, на общественной, а не государственной, основе, экономическая система станет саморегулирующейся, состоящей из уравнивающих себя самими собой организмов, которые обеспечат стабильность и процветание, потому что они способны привлекать труд там, где он нужен, в производственном цикле и в сезонном цикле.

Беллерс оставался забытым до тех пор, пока Карл Маркс не обнаружил его труды и не привлек к нему внимание в своем «Капитале». Джон Беллерс интересовался построением общества, а Джон Вулман больше интересовался, может быть, нравственным порядком и хаосом. Можно провести очень интересные параллели и сравнения между Вулманом и Беллерсом. Каждый старался связать общественную ответственность личного действия с механизмами действенности экономической системы в целом. Эти два мыслителя были по существу порождены религиозными общинами, чьи ценности предрасполагали их членов поступать хорошо во время быстрых экономических перемен, движения, известного как Промышленная революция восемнадцатого и девятнадцатого веков.

Бережливый образ жизни, требуемый свидетельством простоты, был, может быть, принят для того, чтобы в такое время привести к экономическому успеху. Исполнение этого свидетельства по необходимости означало отказ от излишеств в потреблении. Результатом с неизбежностью стало накопление капитала. Это привело к прибавочной стоимости для капиталовложений и дальнейших доходов. Квакеры объединились в тесную религиозную общину, и эта религиозная община имела ясную теологическую основу. Свидетельство простоты не появлялось ниоткуда. Оно было частью коллективно разработанных ...

Общественная жизнь усиливала успех. Так как главным способом образования в производственных и торговых классах было ремесленное ученичество, мальчиков посылали в учение ремеслу в другие квакерские семьи, часто в другой части страны. Это создавало связи. Подобным же образом браки заключались внутри Общества и, как мы все знаем, собрание исключало Друзей из своих рядов, если они заключали браки с не-Друзьями. Разумно поэтому предположить, что внутри закрытой общины заключались браки династические и финансовые.

Так что в этот период наблюдается экономическая тенденция, подкрепляемая религиозной позицией, - два элемента, которые должны существовать прежде, чем можно ожидать, что группа достигнет той модели успеха в богатстве и бизнесе, которую продемонстрировали квакеры, особенно в Филадельфии и в Англии. Бизнес стал самой важной областью деятельности Друзей, и можно поэтому ожидать, что поскольку они являлись религиозной общиной, их деловая жизнь станет их свидетельством.

Может быть, самым ясным религиозным принципом, согласно которому Друзья действовали в своей экономической жизни, было то, что фиксированная цена является справедливой ценой, что товары следует обменивать по цене, выгодной как покупателю, так и продавцу. Квакерская дисциплина всегда очень настойчиво предостерегала Друзей против спекуляции. Существовал и еще один аспект свидетельства. Явное нарушение свидетельств истины и простоты вело к тому, что нам представляется весьма суровой практикой исключения Друзей, которые становились банкротами.

Мы можем подумать, что такое наказание было понятной ошибкой, но в исторические времена Друзья полагали, что человек становится банкротом, когда он превышает свои возможности. А причины такого превышения, как они думали, лежали не просто в деловых решениях, но в ложных нравственных суждениях, потому что вы искали большего, чем должны были искать при данных обстоятельствах. Причиной, конечно, являлось то, что вы не выполняли требований свидетельства простоты.

Так что Друзья сильно не одобряли банкротство и спекуляцию. Имеются основания также полагать, что они принимали ту точку зрения традиций Реформации, от которой они происходили, что труд - это пересоздание творения. Если вы достигаете чего-то в вашей деловой жизни, особенно технического прогресса, который неизбежно приходит при просвещенном и умном подходе к делу, вы делаете что-то для славы Божией. Таким образом, бизнес - это не неприятная необходимость, а призвание - возможность осуществить в своей жизни свидетельства, которые мир сей видел и отмечал.

Поэтому в бизнесе вы имели возможность осуществлять свидетельства и практику религиозной жизни. Например, семья Дерби, которая владела рядом железоделательных мастерских в Колбрукдейле в Англии, имела скользящую шкалу расценок для оптовых поставок железных товаров в период инфляции, в частности во время войн XVIII в. Так что было очевидно, что компания не извлекала прибыли, когда дела шли туго. Однако если стоимость сырья возрастала, цена продукции тоже пропорционально возрастала, и попыток извлечь специальные дивиденды ввиду особых обстоятельств не было. Такие вещи и привели к репутации надежности, которую имели Друзья. Почти неизбежно такое доверие вело их к банковской деятельности, и пришло время, не очень давно, когда почти половина коммерческих банков в Англии имела квакерское происхождение.

В современных условиях можно видеть, как квакерские свидетельства поддерживают различные точки зрения в политической экономии. Одна представлена Джоном Брайтом (1811-1889), первым квакерским членом кабинета министров, владельцем Ланкаширской хлопкопрядильной фабрики и членом Манчестерской школы экономической мысли. В его время существовало убеждение, что взаимозависимость порождает мир и что поэтому капиталистическая система, сеть купли-продажи, где каждый получает свою прибыль, гораздо лучше, чем другие политические системы, годится для поддержания мира. Эта идея недавно была снова выдвинута и горячо обсуждается.

Джордж Кэдбери (1839-1922) придерживался несколько иной точки зрения. Кэдбери был филантропом и вместе со своим братом владел самым большим шоколадным производством во всей Британской Империи. Но он гораздо лучше, чем Джон Брайт (принадлежавший к более старшему поколению), признавал то, что мы назвали бы структурной несправедливостью. Может быть, способ, которым люди организовали общество, сам по себе ведет к несправедливости в определенных обстоятельствах. Если это так, простая смена людей не обязательно приведет к улучшению. Джордж Кэдбери был либералом в политике. Хотя он и не был социалистом, он был в большой мере государственным. Многие люди в Британии в первые годы XX века пришли к мысли, что государство должно играть очень важную, может быть, даже контролирующую роль в экономической жизни.

Таким образом, в политической экономии квакеры имели разные мнения, иногда являясь консерваторами, иногда радикалами. Может быть, в прошлом квакеров мы найдем достаточно подтверждений для самых современных воззрений. Однако в наше время квакеры не занимаются бизнесом в том же масштабе или в таком же числе, как раньше. Их число значительно увеличилось среди профессионалов разного рода и в общественной деятельности. Многие не хотят идти в бизнес в наше время, когда мы начинаем осознавать проблемы, возникающие от неконтролируемого и масштабного экономического развития.

Так что сейчас квакеры имеют тенденцию подходить к выбору профессии с большой серьезностью, спрашивая себя, что следует делать ради жизни на земле. Они также относятся со всей серьезностью к морали потребления, пытаясь в жизни своей достичь равновесия между преимуществами экономики массового потребления и нежелательными последствиями, которые представляются неизбежной ее частью. В квакерских кругах существует большая забота о состоянии окружающей среды, но в этом они вряд ли уникальны.

Поэтому переход от восемнадцатого столетия к двадцатому является весьма важным. Уединенность традиционного квакерства создала прекрасный образ жизни, отмеченный великим благочестием и в то же самое время мирскими достижениями в успешном бизнесе. Однако в девятнадцатом веке Общество вышло из своего уединения и восприняло много идей из окружающей его культуры. Процесс этот не был легким, и из него возникли две характерные модели квакерской жизни и веры. Если квакеры восемнадцатого века населяли тихий сад, то их внуки и правнуки пустились в плавание по морю раздоров, к описанию которого мы сейчас и обратимся.

Глава 4

МОРЯ РАЗЛАДОВ

«Желаю вам жить в интересное время!» Эти слова в Китае воспринимаются как проклятие. Небезынтересно было бы обсудить, правда это или нет, и история квакеров в XIX веке дает хорошую возможность для проверки. В этот период начались фундаментальные разногласия, которые разделили Общество Друзей на две антагонистические ветви. В основе разногласий лежал трудный процесс выхода закрытой секты из изоляции и вступление ее в широкое русло жизни. Ища свое новое лицо в современном мире, квакеры нашли два, и эти два лица объясняют настоящий характер их церкви.

Предвестником нового мира стал еще один квакер, который имел тесные связи с Россией, - Дэниел Уилер, человек, который осушал С.-Петербургские болота по просьбе царя Александра I. Уилер является, может быть, необычной фигурой в том смысле, что он стал квакером по убеждению, но его отношение к бизнесу было характерным для тогдашних английских квакеров, твердо двигавшихся к тому, чтобы стать силой, с которой нужно было считаться в экономической жизни страны по мере того, как индустриальная революция шла своим чередом.

Уилер был религиозным человеком, не из тех, кто благочестив по традиции. Он оставил трогательный и местами захватывающий дневник, и мы можем увидеть в нем следы старого квакерского благочестия, в то время как принципы евангелической религии начинали преобладать в Лондонском Ежегодном собрании, точно так же, как либеральные принципы стали брать верх к концу века. Сам Уилер не принимал участия в последовавших дебатах, но некоторые ссылки в его произведениях указывают на них. Он, может быть, был одним из тех, кто испытал внутренний конфликт, происходивший от того, что он старался сохранять нетронутой и обособленной одну часть своей жизни, тогда как в других частях был вполне человеком своего времени.

До того, как он окончательно переехал в С.-Петербург в 1819 г., Уилер вел весьма колоритную жизнь. Он родился в 1771 г., осиротел в возрасте двенадцати лет и после краткого периода, проведенного в закрытой школе, был отправлен слугою в плавание на лондонское судно, торговавшее вином с Португалией, в основном через семейные связи, поскольку его отец был торговцем вином в фешенебельном районе Лондона Ганновер Сквэр. Через два года он стал мичманом во флоте, а через шесть лет после того вступил в армию и служил в Ирландии, Голландии, Германии и Вест Индии.

Будущий квакерский проповедник и друг царей дважды едва избежал смерти во время своей службы. Лежа в бреду в тифозной горячке на барке, идущей по Рейну в 1794 г., он слышал, как поблизости сколачивают два гроба, один из которых предназначался ему. По милости Божией этого ему не понадобилось. В Вест-Индии он был пересажен с хорошего корабля на нагруженную углем барку в то время, когда начинался ураган, и этот угольщик уцелел. Как он писал впоследствии, «я помню, что когда Друзья посетили меня по случаю моего заявления о принятии в Общество, я сказал им, что пережил обращение в море...»

Несколько обстоятельств способствовали тому, чтобы Уилер поехал в С.-Петербург. Английские евангелисты, уже имевшие прочные связи с Россией, включали нескольких влиятельных квакеров, с которыми он мог быть знаком. Обращение Уилера в квакерство весьма углубило его духовную жизнь, и он увидел в этой возможности призыв Бога. Он был способен и предприимчив, что позволило ему принять вызов и заключить контракт об осушении огромных пространств заболоченной земли.

Дэниел Уилер стал квакером под влиянием своей сестры, у которой он жил после того, как оставил военную службу. Она была замужем за Другом и сама стала квакершей. Дэниел стал вслед за ней членом Общества в 1799 г., а в 1816 г. его записали как проповедника. К этому времени он был уже семейным человеком, оставил бизнес и обратился к фермерству в попытке преодолеть некоторый внутренний кризис. Однажды, вскоре после окончания Наполеоновских войн, он пришел в дом, где один из его детей сидел на полу, составляя карту из различных кусков бумаги. Согласно рассказу, взгляд его упал на слово «Петербург», и отсюда он узнал, что Бог приготовил ему работу, которая включает и Россию.

Интерес к России, что называется, носился в воздухе. В июне 1814 г. Александр I и король Пруссии были в Лондоне, и Собрание в помощь страждущим подготовило адрес двум монархам, в котором выражалась надежда заручиться их поддержкой в протесте против работорговли и также обратить их внимание на тяжелые последствия войны для Германии. Особого успеха у прусского короля они не имели, но с царем все получилось более удачно. Их пригласили в его резиденцию воскресным утром, и к их изумлению он настоял, чтобы его немедленно везли на молитвенное собрание. Его ввели в Вестминстерский молитвенный дом, может быть, в конце первого часа двухчасового собрания.

Это событие повлекло за собой крепкую дружбу между царем, английским Другом Уильямом Алленом и его товарищем, франко-американским Другом Стивенем Греллетом. Это повело к тому, что русские начали обучаться в Англии ланкастерской системе народного образования, к открытию для России работы Библейского общества и к продолжению тюремной реформы, начатой английским не-квакерским первопроходцем Джоном Хавардом, который умер в Крыму. Следует отметить, что все это было частью филантропических принципов, которые отличали Евангелическое христианство в Англии в это время.

Вскоре после своего посещения Вестминстерского собрания царь поехал в Сассекс и остановился поприветствовать семью, которая вышла с фермы, чтобы посмотреть, как он и его свита проезжают мимо. Это была квакерская семья, и они пригласили его осмотреть ферму и выпить чаю, что он и сделал. То, что он увидел, видимо, подтвердило его впечатление от квакерства, потому что по возвращении домой он попросил своего посла в Лондоне поискать квакеров, которые согласились бы помочь развитию сельского хозяйства в России.

В течение долгого времени национальной политикой России было привлекать сектантов из других стран, но первый раз в это оказались вовлечены квакеры. Квакеры никогда не эмигрировали в Россию или на Украину, подобно меннонитам, чтобы образовать «колонии» или иностранные общины. В этом случае было задумано, по-видимому, привлечение экспертов, каким оказался Дэниел Уилер.

Здесь особые проблемы были связаны со столицей. Санкт-Петербургские болота оставались неосушенными, и не от недостатка старания. Они были очень обширны. Они приводили к наводнениям в городе. В них имелаась трясина, служившая рассадником эпидемий. По просьбе посла Ливена квакерам было послано циркулярное письмо, в котором очерчивалась работа, которую нужно сделать, и в результате Дэниел Уилер получил возможность, в которой он узрел исполнение пророчества. Это стало делом его жизни.

В 1817 г. Уилер сделал предварительный визит, во время которого имел возможность определить масштаб работы, которую собирался сделать, а также степень бюрократических препятствий, которые должен был учитывать. Он получил карт-бланш от царя и твердо отклонил попытку подкупить себя. В 1818 г. он перевез свою семью в Санкт-Петербург, и работа началась.

К 1832 г., когда он оставил Россию, более 100 000 акров земли были расчищены и осушены. Около 5 000 акров уже либо возделывались, либо готовились под посев, и среди собственников земли возник большой интерес к его методам и результатам работы. Его достижения были велики, но и цена за них оказалась высокой. Его жена Джейн умерла в тот же год, когда он вернулся в Англию, а из их шестерых детей только один дожил до старости. Уилер был неукротим. В нем было еще достаточно энергии, чтобы предпринять впечатляющую миссионерскую поездку в южную часть Тихого океана и дважды пересечь Атлантику. Он умер в Нью-Йорке в 1840 г.

АМЕРИКАНСКИЕ РАСКОЛЫ

Время Уилера было временем больших перемен. Он родился перед Французской революцией или Американской войной за независимость. Когда он был мальчиком, его родная страна была все еще по преимуществу сельскохозяйственной. Он умер в век паровозов, и электрический телеграф был не за горами.

В период его детства Общество Друзей достигло, может быть, пика своего прекрасного, упорядоченного, особенного, традиционного образа жизни. Ко времени его смерти оно раскололось на куски, и в основе лежали глубокие теологические принципы. Возможно, его традиции, хотя и были привлекательными, не были в конечном итоге устойчивыми, и квакеры больше походят на других христиан, чем они думают.

Друзья Лондонского ежегодного собрания были довольно хорошо связаны друг с другом к 1830-м годам. Новообращенных было немного, и существовала сложная сеть семейных связей. Люди старались торговать друг с другом и отдавать детей в одни и те же школы. Они встречались на Ежемесячных, Ежеквартальных и Ежегодных собраниях, и их было не очень много. Многие из них были очень успешны в бизнесе, и большинство жило в городах.

В Америке, с одной стороны, было гораздо больше различий. На восточном побережье Друзья были распространены на всем огромном пространстве между Новой Англией и Северной Каролиной. В 1787 г. Конгресс новой республики Соединенных Штатов открыл территории, граничащие с Великими озерами, для постоянного и свободного от рабства поселения. Многие Друзья пересекли Аппалачские горы и прибыли в Южное Огайо и Индиану, чтобы вести там жизнь первопроходцев. Существовал огромный разрыв между квакерской аристократией в Филадельфии и других больших городах - и Друзьями в отдаленных землях.

Существовало также большое разнообразие в их образе мысли, и здесь мы встречаем семена будущего развития двух видов квакерства. В частности, в Филадельфии существовал класс богатых влиятельных квакеров, многие из них происходили из семей, которые эффективно управляли колонией до тех пор, пока не вынуждены были отойти от власти по причине войны против французов и индейцев в 1756 г.

Эти Друзья были хорошо образованны, занимались филантропией и были открыты новым подходам к христианству, особенно принципам евангельской веры, которые лежали в основе великого возрождения личной религии, трансформировавшего британское и американское протестантское христианство в XVIII и XIX вв. И названного «Великим пробуждением». Евангелизм призывал к перемене жизни и личному ученичеству у Христа.

Евангелизм подчеркивал авторитет Писания и искупление грехов. Он требовал личного принятия Иисуса Христа как Спасителя и Господа и радикального исправления жизни. Хотя он сыграл важную роль в англиканстве, он дал начало и методизму и был по всем своим намерениям и целям межденоминационным. Хотя он и не соответствовал традиционному квакерству, многим казалось, что он был его логическим развитием.

Следует помнить, что другие Друзья, и многие в том числе из этой группы, искали новые средства распространения квакерства в других частях мира. Они пережили Французскую революцию и видели основание Соединенных Штатов на базе рационализма, который в то время не был совершенно враждебен религии. Это было время, в которое следовало написать критическую историю. Такие Друзья имели критический характер и отвергали евангелизм. Хотя эта форма либерализма не соответствовала традиционному квакерству, многие тем не менее думали, что она вполне годится для его развития.

Большинство Друзей, возможно, совсем не интересовались новыми идеями по разным причинам, одной из которых было то, что они соглашались с тем, что получили от своих предков, а это, вероятно, являлось причиной того, что традиционное квакерство тоже продолжало оставаться живым и здоровым. Так что к началу девятнадцатого века уже существовало несколько различных течений мысли внутри Общества Друзей в Америке. Они существовали и в Англии, но результат их был гораздо менее заметным.

Филадельфийское ежегодное собрание включало большую часть штата Пенсильвания и было одним из ведущих центров квакерства. Разногласия там возникли из-за увеличившейся власти старейшин на всех уровнях Общества. Мы уже видели, что орган старейшин отвечал за нравственный надзор за Друзьями и был также ответствен за должное применение устной проповеди.

По мере того, как восемнадцатый век подходил к концу, орган старейшин присваивал себе все больше власти, так совершалась нравственная перестройка, исключением из которой были рабовладельцы. Но нравственный авторитет стал духовным авторитетом, и «Вопросы»*, с помощью которых Общество Друзей всегда выражало свои требования к членам, начали использоваться для того, чтобы усилить всеобщее согласие с учением, а это учение было по содержанию евангельским.

Неудивительно, что в то время, когда мнения начали разделяться, появилось значительное сопротивление этому процессу, возмущение и оппозиция росли. Друзья-традиционалисты и Друзья-либералы чувствовали протест против авторитета в каждом случае, и когда им пытались предписывать, например, во что они должны верить по поводу Библии и Искупления, они усматривали в этом давление сильной руки, и начинались разногласия.

Проблема вышла на поверхность на Филадельфийском Ежегодном собрании в 1827 г. Сначала возникли разногласия по вопросу о том, кто должен быть клерком, но по существу речь шла о том, какими симпатиями должен обладать следующий клерк. Имя следующего клерка так и не было согласовано, и поднялось множество нехороших чувств. В середине недели группа Друзей собралась в другом молитвенном доме в городе и предложила, чтобы те собрания, которые не согласны с теми, кто вел ежегодное собрание, выделились в отдельную организацию.

Жребий был брошен, и возникли два отдельных ежегодных собрания. В течение нескольких лет велись судебные процессы о правах собственности на недвижимость, школы и денежные фонды и поднималось сильное чувство горечи у многих. Друзья переходили на другую сторону улицы, чтобы избежать встречи с Друзьями иных убеждений, и разногласия распространились на другие ежегодные собрания. К 1845 г. существовали уже по два ежегодных собрания, каждое из которых заявляло, что оно - истинное и единственное, в Филадельфии, Нью-Йорке, Балтиморе, Огайо и Индиане.

Как часто бывает с квакерством, если вы знаете слова, вы понимаете различия. Группа, испытывающая влияние евангельских идей, называлась «ортодоксальной». Причины этого неясны. Некоторые утверждали, что они имеют больше общего с «ортодоксальным» христианством, чем с квакерством, возможно, подразумевая под ортодоксальным христианством евангелическое англиканство тех дней. Ортодоксальные Друзья принимали первую часть этого заявления, но твердо отвергали вторую.

Вторая группа называлась «хикситы». Они были названы так по имени Элиаса Хикса, Друга-старейшины из Нью-Йорка, который странствовал и проповедовал уже в течение многих лет, предшествовавших расколу. Элиас Хикс попытался расширить традиционное квакерское учение о внутреннем религиозном опыте до такой степени, что убрал со сцены фигуру исторического Иисуса, оставив ему лишь символическую или вдохновляющую роль в современной жизни, и, кажется, придавал очень мало цены Библии.

Однако он твердо придерживался традиционной квакерской практики. Многие Друзья соглашались с его сопротивлением авторитету евангелически настроенных старейшин и с его уважением к традиции, но это не следует принимать за согласие с его учением. Многие из «ортодоксов» не были ортодоксами. Многие из «хикситов» не были хикситами.

Проблема заключается в том, что некоторые энтузиасты создают мир, в котором приходится жить остальным. Последовательное развитие американского квакерства и его теперешняя жизнеспособность в развивающемся мире происходят в конечном итоге от этих различий. Три четверти Друзей в мире являются духовными потомками филадельфийских ортодоксов. И фактически квакерство сейчас является евангелическим движением.

НЕКОТОРЫЕ ВЕДУЩИЕ ФИГУРЫ

Во многих смыслах именно евангелическая группа внутри Общества Друзей вывела движение из изоляции и ввела в более широкий мир. Филадельфийские ортодоксы были в целом образованнее и богаче, чем многие из тех, кто встал на их сторону, и в глазах традиционалистов они были более «мирскими». Именно это без сомнения лежало в основе. В квакерской традиции существовали строгие табу против чтения для удовольствия и культивирования искусств, но общество равных вне организаций Друзей вело к постепенному отступлению от этих правил.

Нажим, возможно, исходил от молодого поколения. Хороший пример конфликтов того времени дает жизнь Элизабет Фрай, английского Друга; она родилась в семье Герни, династии квакерских банкиров Норича, Англия, и их положение в жизни было похоже на положение их коллег в Филадельфии.

Элизабет, «Бетси», как ее звали в детстве, росла в простом, хотя и богатом, квакерском доме, но ее не заставляли носить простые платья. Она была экстравагантной и страстной по природе и обожала оскорблять чувства простых членов собрания на улице Аппер Гоут Лэйн в Нориче. Однажды она, по ее словам, надела красные башмаки с лиловыми шнурками и специально выставляла свои ноги напоказ, чтобы люди заметили.

Но в один судьбоносный день странствующий проповедник из Филадельфии по имени Уильям Сэйвери посетил этот город. Он с грустью записал в своем дневнике, что это было «самое веселое собрание Друзей, какое я когда-либо видел». Но он должен был радоваться. Его проповедь обратила юную Бетси Герни, которая после этого посвятила свою жизнь Христу. Она начала филантропическую работу в Нориче, и так было положено основание делу ее жизни.

В 1813 г. она была уже замужем за Джозефом Фраем и жила в Лондоне. Зимой этого года Уильям Аллен, друг Дэниела Уилера, и Питер Бедфорд, два британских Друга, посетили Ньюгейтскую тюрьму в лондонском Сити вместе со Стивенем Греллетом, гостем из Америки. Они побывали в женском отделении тюрьмы и были так расстроены тем, что там увидели, что захотели что-нибудь сделать с этим. Было ясно, что это не мужская работа, и они уговорили Элизабет Фрай.

Хотя ей понадобилось год или два, чтобы полностью войти в курс дела, работа эта дала ей смысл жизни. Когда она в первый раз вошла в Ньюгейт, начальник тюрьмы стал предостерегать ее ради ее безопасности, таков был свирепый характер заключенных. Но это не произвело на нее впечатления - или скорее ее вера была сильнее страха. Она добилась доверия заключенных женщин и начала учить их гигиене и вязанию, чтению и изучению Библии. И она одевала заключенных и утешала приговоренных.

Это были дни, когда заключенных отправляли в Австралию, так что она сопровождала каждую группу до тюремного корабля и каждой вручала корзинку необходимых вещей, которые могли пригодиться для штопки и шитья и помочь заработать немного на стороне. Но ее работа на этом не остановилась. Она обладала влиянием и начала создавать ассоциацию в поддержку, куда вошел мэр Лондона.

Она появлялась в парламентских комитетах и предприняла визит к членам королевской семьи. Она искала новых направлений в исправительной политике, боролась против жестоких наказаний и одиночного заключения и пыталась организовать службу социальной помощи освобожденным из тюрьмы.

Ее жизнь иллюстрирует результаты евангелизма среди Друзей в Англии, которые не должны полностью отождествляться с теми, кто жил в Соединенных Штатах. Мы уже видели, что английские евангелические Друзья часто в социальном смысле выходили за пределы Общества и были открыты религиозным влияниям извне, особенно евангельскому англиканству, - процесс, который усиливали браки. В самом деле, одна из сестер Элизабет Фрай, Рэйчел, вышла замуж за Томаса Фоуэлла Бакстона, норфолкского землевладельца, который стал преемником Уильяма Уилберфорса на посту вождя Британского антирабовладельческого общества.

Евангелической программой было, естественно, спасение всех путем личного обращения, и этот процесс, как было признано, предполагал грамотность и улучшение неблагоприятных социальных условий. Из этого образа мыслей выросла широкомасштабная программа, включающая создание школ для обучения грамоте и широкое распространение Библий, чтобы дать этой грамотности надлежащее использование.

Кампания против рабовладения была уже главной евангельской заботой и, как мы видели, вскоре к этому добавилась тюремная реформа. Евангелисты также играли ведущую роль в движении за реформу условий и продолжительности работы на фабриках, но Друзья, как ни странно, не принимали участия в данной программе.

Эти вещи были очень далеки от традиционной квакерской подозрительности к «активности сотворенных Богом», но из них исходит в значительной степени репутация Друзей как социальных реформаторов и чувство, которое имеют многие люди, что в квакерстве существует историческая динамика, ведущая к новаторским социальным действиям.

Для складывания этой репутации, конечно, имелось совпадение ряда обстоятельств и отношений. В общем квакерство - и оно ни в коей мере не является исключением - имеет убежденность в том, что религии есть что сказать о социальных условиях, которые не являются исключительной прерогативой политиков. Друзья, подобные Элизабет Фрай, имели богатство и общественное положение. Они ожидали, что для них двери будут открыты, и были в состоянии заставить их открыться. Они были настроены

оптимистично в том смысле, что не просто боролись против неблагоприятных обстоятельств - они были уверены, что выиграют борьбу.

Более того, они желали употребить свои собственные деньги на дела, которые задумали, и создали такой образ мыслей, который был унаследован позднейшими квакерскими поколениями с совершенно иными теологическими мнениями. Сегодня в Британии и Соединенных Штатах есть такие, которые видели в новаторских социальных действиях сущность или определяющую черту квакерства. Другие чувствовали, что мир является беднее потому, что современный евангелизм слишком уступал влиянию фундаментализма не от мира сего, и ценностям Элизабет Фрай и ей подобных все еще нужно следовать.

Примером новаторского мышления в области образования была система наставничества, введенная Джозефом Ланкастером, на которую Друзья обратили внимание царя Александра I, когда он был в Англии в 1814 г. Джозеф Ланкастер, Друг, создал школу в Боро Роуд в Лондоне в 1798 г., используя систему мониторинга, то есть учитель обучает небольшую группу более способных или знающих учеников, а они потом обучают большую группу сегодняшнему уроку.

Тогда как ряд квакерских школ был предназначен для обучения детей своих собственных членов, Ланкастерские школы специально создавались для обучения бедняков. Идея была широко принята и стала основой работы Британского школьного общества, которое открыло школы во многих городах и деревнях Англии и сделало значительный вклад в развитие общественного начального образования, которое началось в Англии в 1870 г.

Девятнадцатый век был периодом расширения и реформы, и начало его стало временем, когда постепенно становилось ясно, что частные усилия по развитию образования и помощи бедным, а также принцип добровольности в экономической жизни не были достаточны для того, чтобы удовлетворить нужды большинства членов общества. Мы можем рассматривать квакерскую филантропию этого века как часть перехода к современности.

В его работе по помощи бедным и достижению мира происходили подобные же процессы. В 1846 г. в Ирландии разразился голод, вызванный неурожаем картофеля. Голод и эмиграция, как говорили, в последующее десятилетие сократили население страны на четверть. Лондонское ежегодное собрание предприняло огромные усилия, чтобы помочь облегчению страданий.

Затем в 1870 г. разразилась Франко-Прусская война, и были предприняты подобные же шаги. Однако становилось ясно, что масштаб естественных и произведенных человеком разрушений настолько велик, что следует раскрыть и правильно оценить их причины, а не только предпринять действия по преодолению их последствий. Это включало множество параметров, в частности серьезное изучение социальных условий, экономики и политики, результатов законодательства, международных отношений и дипломатии. В новом мире формирование общественного мнения и долговременных убеждений было гораздо более значимым.

Примером является попытка прямого миротворчества в 1853 г., когда возникла опасность войны за обладание святыми местами в Иерусалиме между Россией с одной стороны и Британией и Францией с другой. В то время, как в Британии росла ксенофобия, пожилой Друг Джозеф Стердж предложил Собранию в помощь страждущим послать делегацию к царю Николаю I, чтобы попытаться предотвратить войну. Было составлено послание, которое повторяло заявление Друзей об их противлении вооруженному конфликту и в то же самое время напоминало о прежних связях и добрых отношениях, которые были у Друзей с братом и предшественником царя Александром I.

В разгар зимы, в начале 1854 г. Джозеф Стердж и два его товарища отправились в Санкт-Петербург, сошли с поезда в Риге и продолжали опасное путешествие в возке на санях. В конце концов они добились аудиенции у царя, и уходя Стердж сказал ему, что в Англии есть люди, «которые желают ему мирского и духовного блага столь же искренне, как его собственные подданные». Царь был тронут этим до слез, но война все же началась. На Стерджа и его Друзей смотрели как на предателей и безумцев.

Итак, начало девятнадцатого века отмечено значительными различиями, возникшими между английским и американским квакерством с одной стороны и двумя ветвями американского квакерства - с другой. На первый взгляд можно было видеть еще очень много подобий, но различия все же существовали. В настоящее время все странным образом перевернулось: на первый взгляд в мире квакерства существуют большие различия, но тем не менее имеется много подспудных подобий.

В середине девятнадцатого века внешние признаки квакерства стали поддерживаться скорее практикой, чем принуждением, так как большое количество правил и указаний, содержащихся в книгах Дисциплины различных ежегодных собраний, были отменены. Некоторые из них были относительно неважными, вроде обычая одеваться, но другие были более серьезными, особенно правила, требующие исключения из Общества квакеров, заключивших брак с не-квакерами или производивших брачную процедуру не в доме для собраний, а в другом месте.

В Англии многие рассматривали это как самый главный фактор, порождающий абсолютное и относительное долговременное уменьшение числа квакеров среди населения страны начиная с семнадцатого века. Упрямство, с которым внедрялось это правило, иллюстрируется тем, что Лондонское ежегодное собрание поощряло квакерских мальчиков эмигрировать в Австралию, при надлежащей помощи и надзоре.

Когда они становились молодыми людьми, для них приходило время женитьбы. Так как квакерские девочки не понуждались к эмиграции, для них оставались только не-квакерские зазнобы. Соответственно происходили браки вне квакерской Дисциплины, а за этим, как день за ночью, следовало исключение из Общества. Такое случалось в огромных масштабах по всему квакерскому миру до тех пор, пока реформы середины девятнадцатого века не положили этому конец. В Англии уменьшение квакеров прекратилось, и начался долгий медленный подъем. В Соединенных Штатах все происходило совсем иначе. Продолжающаяся евангелизация, ослабление Дисциплины и начало нового мира, пришедшего на смену старому после Гражданской войны 1861-65 гг. дали квакерам потрясающий стимул и навсегда изменили его характер.

АМЕРИКАНСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

Религиозную обстановку, в которой квакерство возникло и расцвело в Англии, вполне легко понять. Огромные массы народа принадлежали к Англиканской церкви, государственной религии. Основными группами, отколовшимися от государственной церкви, были баптисты, пресвитериане и конгрегационалисты, а также квакеры. Эти церкви были все хорошо представлены на востоке Соединенных Штатов и имели свою историю, и стабильность; они продолжают существовать по сей день.

Но границы Американских колоний и соответственно Соединенных Штатов постоянно передвигались на запад по мере того, как первопроходцы, часто малообразованные и темные, отвоевывали новые земли и поселялись на новых местах. Мы уже видели, что в 1780-х и 1790-х годах квакеры перебрались через Аппалачские горы в Огайо и Индиану. Они были частью наступления на запад, и исключением из того правила, что религия не является значительной силой среди продвигающихся и мигрирующих народов.

Начало XIX в. принесло с собой потрясающее религиозное возрождение вдоль всей западной границы, и стали использоваться новые формы евангелического

богослужения. Очень популярными стали собрания под открытым небом, куда люди приезжали часто с больших расстояний, чтобы жить в палатках, петь гимны, слушать проповедников, устраивать молитвенные собрания, посещать кружки по изучению Библии и хорошо проводить время. Записи о таких встречах сохранились в большом числе. «Подергивания и покачивания», которые сопровождали взрывы религиозного экстаза, неудержимо напоминали о первых днях существования квакеров, которые получили свое название от того же самого феномена.

С течением времени движение возрождения распространилось на большие города; к концу Гражданской войны оно переживало подъем. Но традиционные церкви осознали, что его трудно контролировать. Многие из пользовавшихся наибольшим успехом евангелистов не были ни рукоположены, ни подготовлены - ни даже обучены в этой области. Богослужения сильно отличались от того, что происходило в церквях. Росло число всяческих публикаций, которые не принимали во внимание нужды старых деноминаций. Горячим желанием тех, кто был вовлечен в это движение, являлось спасение души, а не очищение созерцательной жизни.

Возрождение оказалось очень привлекательным. Новые церкви росли, как на дрожжах. Эти церкви и это движение были по сути своей евангелическими, и трудно себе представить, чтобы они не оказали подобное же действие на квакеров, как и на другие церкви, которые возникли в старой стране. То, что последовало, - это появление ортодоксальной, или евангелической традиции.

Обстоятельства способствовали квакерскому возрождению. Прежде всего, существовала сильная подспудная евангельская вера, которая была частью квакерства в течение доброй половины столетия. Надо сказать, что это составляло половину всего времени квакерской истории. Евангелическая, или «ортодоксальная» ветвь составляла безусловное большинство в западных штатах Огайо, Индиана и Айова и была широко представлена повсюду.

Чувство самосознания дали Друзьям проповеди Джозефа Джона Герни, брата Элизабет Фрай, во время его визита в Соединенные Штаты между 1837 и 1840 годами и его произведения, особенно «Наблюдения над религиозными особенностями Общества Друзей» (*Observations on the Religious Peculiarities of the Society of Friends*, 1824). Это было исчерпывающее изложение квакерского учения, которое представляло его как квинтэссенцию или воплощение евангельского христианства. Влияние Герни чувствовалось настолько сильно, что ежегодные собрания, которые позднее приняли возрождение, были, и до сих пор иногда известны как «герниты»; они поэтому занимают в американском многообразии место, противоположное тому, которое занимают «хикситы».

Ортодоксальные Друзья все еще молятся в молчании и на поверхностный взгляд мало чем отличаются от своих коллег хикситов. И те, и другие имеют ту же самую структуру собраний, и те и другие ведут запись проповедников и старейшин, и те и другие используют те же самые традиционные слова и стойко привержены свидетельствам. Однако кое-что стало казаться «мертвыми формами», которые подавляли, а не вдохновляли истинную религию.

Как мертвые формы рассматривались многие из старых предвзятых воззрений. Друзья теперь читали газеты и журналы. Они становились активными в политике, они открывали Воскресные школы и группы по изучению Библии, они больше не посылали проклятий музыке. Они становились все ближе к обычному течению повседневной жизни.

И с неизбежностью вставали вопросы, касающиеся богослужения. Почему, например, не разрешается петь всей конгрегацией во время собрания? Почему, если Библия является Словом Божиим, многие смотрят искоса на ее использование в богослужении? Почему, если Христос призвал своих учеников сделать учениками весь народ, и ранние

Друзья слушались Его слова, Друзья окружили себя «оградой» и требуют от новообращенных принять весь багаж особенностей и правил, прежде чем они станут членами их деноминации? Не дается ли спасение благодатью Божией благодаря одной только вере?

Предвестие тому, что должно было случиться, явилось на Ежегодном собрании Индианы в 1860 г. На стол клерку был положен документ, который, должно быть, некоторым показался бессовестным. Он требовал специального собрания для молодых Друзей в воскресенье вечером. Проповедники не должны были читать проповеди или оказывать давление на происходящее, и вся конгрегация должна была принимать в этом участие.

Полторы тысячи людей пришли на это собрание. Более сотни выступили со свидетельствами или молитвами, и в первый раз за всю записанную историю Друзей, продолжавшуюся полтора года, кто-то запел гимн. Важно было то, что акцию эту провела молодежь. Это указывало на будущее. Ее настроение было неприемлемо для правящей элиты Общества, и перемены, которые вскоре последовали, происходили, может быть, больше по воле истории, чем по общему согласию Друзей-гернитов.

После окончания Гражданской войны в 1865 г. Друзья стали собираться на собрания возрождения, часто вместе с членами других деноминаций, особенно методистами. Атмосфера этих собраний очень отличалась от атмосферы молчания. Там были и пение, и нескончаемая молитва, каждый из участников имел возможность дать свое собственное свидетельство о встрече с Христом и о своем личном спасении, евангельские проповеди, существовала и скамья для плакальщиц, иногда называвшаяся алтарь молитвы, низкая скамья впереди, куда опечаленные, кающиеся или спасенные могли прийти за советом или заступничеством. Такие алтари являются архитектурной особенностью многих квакерских церквей в наше время.

Эти собрания привели к быстрому росту численности Друзей, поскольку в Общество вступали все новые члены. Ежегодные собрания обнаружили, что старая система пастырского попечения и обеспечения проповедниками перегружена. Возрождение совпало с периодом быстрых экономических перемен, так как натуральное сельское хозяйство уступило место производству продукции для рынка, и огромные расстояния между фермами и поселениями в штатах среднего запада делали работу неоплачиваемых проповедников все более затруднительной.

Таким образом, евангелистов, очень часто странствующих, иногда стали просить остаться на некоторое время с конгрегацией или собранием, чтобы позаботиться о его новых членах, и с течением времени собрания стали все больше и больше использовать этот обычай. Так родилась пастырская система. Разные проповедники претендовали на честь считаться первым квакерским пастором. Одним из них был Люк Вудард из Нью-Йорка, другими были Эстер и Нейтан Фреймы из Айовы.

Пасторское собрание, которое сейчас стало скорее нормой, чем исключением в квакерском мире, явилось результатом этого процесса. Такие собрания быстро росли в Огайо, Индиане и Айове, но распространились также на восток, на Нью-Йорк и Новую Англию. На западе новые ежегодные собрания в Канзасе, Орегоне и Калифорнии придерживались ортодоксальной традиции, и они также приняли обычай пасторства.

В основе квакерского возрождения лежала теология, хотя и похожая на традиционное квакерство, но все же достаточно серьезно отличавшаяся от него, чтобы пустить в нем постоянные корни. Эта теология была традицией святости, которая исходила от Джона Уэсли и методистского движения. Короче говоря, она принадлежала тому течению евангелизма, которое не принимало утверждения, что мы все обречены на пожизненный грех и неспособны к моральному совершенствованию.

Доктрина святости провозглашала, что мы можем стать совершенными. Она присутствовала и в раннем квакерском учении. Отличие заключается в том, что

квакерству совершенствование представлялось работой души, которую следует делать в страхе и трепете, тогда как теория святости видит в нем второе дело благодати, божественный дар, для которого мы не должны делать ничего иного, как только подготовить себя. Она скорее пассивна, чем активна, хотя и имеет общие черты с квакерством.

Христианство святости также придает большое значение проповеди. «Как слышать без проповедующего?» (Римл. 10.14). Квакерство исторически имело двойственное отношение к проповедничеству. Его основатели были замечательными проповедниками. Этим путем они и собрали Общество Друзей. Но они обращались к свидетельству Христа внутри человека, а не к делу Христа вне его. В квакерстве имеется тенденция (некоторые могут сказать, что она противоречит очевидности) признать, что Бог будет делать работу внутри. Святость соглашается с этим при условии, что люди сначала обратятся.

КРИЗИС УКАЗА

Учение о святости распространялось весьма быстро, пока в 1880-х годах не возник «кризис указа». Дело началось в Огайо, где квакеры-ортодоксы уже разделились между собой по поводу учения, составив большую группу - Огайо (Дамасское) ежегодное собрание, и меньшую группу, теперь известную как Ежегодное собрание Огайо (Консервативное).

Среди членов большей группы находился некто Дэвид Апдеграф, Друг по праву рождения из потомственной квакерской семьи. Один из его предков подписал декларацию, составленную в Филадельфии в 1688 г., которая призывала к отмене рабства на Американском континенте. Дэвид Апдеграф ранее пережил опыт обращения и теперь чувствовал, что его долг - креститься водою, так как это то, чего, как он верил, требуют простые слова Писания.

Традиционно настроенные Друзья видели, что это затрагивает самую суть квакерских принципов, и стали стараться убедить ежегодное собрание сделать указание, что ни одному проповеднику с хорошей репутацией не разрешается учить, что такие вещи поощряются, т. е. Друзья должны поддерживать свое свидетельство о том, что Христос учил о внутренней религии, в которой внешние церемонии и ритуалы не должны иметь места.

Мнения быстро разделились между теми, кто считал, что традиционное учение (которое мы излагали в главе 2) следует поддерживать, и теми, кто желал с терпимостью относиться к ревизионистской позиции. В 1887 г. в Ричмонде (штат Индиана) Ежегодным собранием Индианы была устроена конференция всех ежегодных собраний в мире, чтобы заново подтвердить традиционную позицию Друзей. Это, как нам следует помнить, означало встречу всех ортодоксальных ежегодных собраний, но она включала Лондон и Ирландию и была весьма представительной.

Результатом был исчерпывающий документ, названный Ричмондской декларацией веры ([Richmond Declaration of Faith](#)). Теперь она является нормативной декларацией евангелической квакерской веры и напечатана в книгах Дисциплин всех Североамериканских ежегодных собраний ортодоксальной, или гернитской традиции, как основа того, что исповедуют библейски верующие Друзья. Декларация в определенных выражениях говорит о богослужении, проповеди женщин и мире и содержит очень сильное подтверждение традиционной позиции Друзей по вопросам крещения и причащения, которые иногда известны под именем «таинств» вслед за обычаем западной, Латинской церкви.

Это заявление не имело никакого значения для другой, хикситской традиции, в которой понимание Библии подчинялось контролю разума и традиции в гораздо более свободной манере и поэтому было гораздо более открыто тому, что называлось

«гиперкритикой». С одной стороны, в Ричмондской декларации было слабо отражено учение ранних квакеров о всеобщем свете, но с другой стороны она являлась гораздо более сильным подтверждением традиционного квакерства, чем хотят видеть это многие критики. Как мы увидим, она поставила препятствие на пути евангелического ревизионизма, который только недавно был серьезно поставлен под вопрос.

ОБЪЕДИНЕННОЕ СОБРАНИЕ ДРУЗЕЙ

Может быть, самым непосредственным результатом Конференции было то, что она сплотила гернитов перед лицом нововведений, предложенных Ежегодным собранием Огайо (Дамасским). Иными словами, основное течение евангелических ежегодных собраний изолировало Огайо, потому что они увидели, куда оно ведет - к слиянию квакерства с общей евангелической традицией и потере всего того, что отличало их от нее.

За Ричмондской конференцией последовало новое предложение, чтобы такие конференции созывались и в дальнейшем, и десятью годами позже в Индианополисе следующая конференция предложила, чтобы ежегодные собрания гернитов создали федеральный орган, чтобы представлять свои коллективные интересы, основанные, насколько возможно, на единой книге Дисциплины.

Это имело рациональное зерно. Все виды деятельности, в которые хотели включиться разные ежегодные собрания, но которые могли быть слишком дороги или трудны для одного из них, могли осуществляться вместе с другими. Поэтому были созданы советы для евангелической и миссионерской работы, для образования, законодательства и благоденствия негров. Были приняты некоторые из уже существовавших организаций, вроде Объединенного исполнительного комитета по делам индейцев, Американского совета Друзей-миссионеров и Мирной ассоциации Друзей в Америке.

С течением лет этот орган изменил свое имя и функции. Поскольку с самого начала было решено собираться каждые пять лет, он стал называться Пятилетнее собрание, но теперь известно как Объединенное собрание Друзей ([FUM](#)); его офисы расположены в Ричмонде, штат Индиана, в Соединенных Штатах Америки.

СОВРЕМЕННАЯ МИССИОНЕРСКАЯ РАБОТА КВАКЕРОВ

Существует очень любопытный протокол, датируемый 1660 г., который описывает места, в которые явились ранние квакерские евангелисты меньше чем через десять лет после того, как началось их религиозное движение. «Мы получили известия от Друзей в Лондоне о великой работе и служении Богу за морем, в некоторых частях и регионах, таких, как Германия, Америка, Вирджиния, и во многих других местах, таких, как Флоренция, Мантуя, Палатинат, Тоскана, Италия, Рим, Турция, Иерусалим, Франция, Женева, Норвегия, Барбадос, Бермуды, Антигуа, Суринам, Ньюфаундленд».

География здесь наивна и перепутана, но запись верна: раннее квакерство достигло удивительного количества мест. Они безусловно относились к великой миссии с великой серьезностью. Следует, однако, признать, что новая вера не пустила глубоких корней за пределами Англо-Американской североатлантической культуры, и этот факт ставит вопрос о том, насколько универсальны были ее претензии на универсальность.

По причинам, еще недостаточно раскрытым, Общество Друзей обратилось вовнутрь после начального периода экспансии и в течение более чем столетия предпринимало мало усилий проповедовать тем, кто находился вне их членства. Но когда результаты новых веяний, пронесшихся в нем во второй половине девятнадцатого века, начали сказываться, Друзья еще раз стали интересоваться миссионерской работой.

Что воодушевляет в евангелической вере, так это то, каким образом многие совершенно обыкновенные люди чувствуют Божие призвание проделать какую-то

конкретную работу, в, этом мире. Они часто начинают тотчас же и полагаются на то, что Господь пошлет им те деньги и ту поддержку, в которых они нуждаются. Современные квакеры называют это действием под влиянием заботы, но в сущности это то же самое.

Современное квакерское миссионерское движение развивалось как раз этим путем. Отдельные люди решали, что у них появилось призвание, заручались поддержкой и затем миссионерскими объединениями, или создавались независимые комитеты для помощи им, пока, наконец, в двадцатом веке они получили покровительство больших организаций.

В 1856 г. Рэйчел Меткалф из Мэкклсфилда, Англия, почувствовала призвание стать миссионером в Индии. В это время она перебивалась кое-как, работая учительницей, швеей, гувернанткой и продавщицей, заботилась о своих осиротевших братьях и сестрах. Она говорит, что Бог сказал ей, что ее отъезд случится не раньше, чем через десять лет, так что у нее было много времени для того, чтобы подготовиться. Сначала Рэйчел встретила резкую отповедь, но наконец ее приняли на службу в Британскую Ассоциацию иностранных миссий Друзей в 1866 г. Как она желала и как Бог планировал, ее послали в Индию, где она спустя 23 года, в 1889 г., и окончила свои дни, прикованная к инвалидному креслу, но достигшая многого.

Затем поднялся вал миссионерской деятельности. В 1867 г. другой английский Друг, Джозеф Сьюэлл, отправился на Мадагаскар работать в сотрудничестве с другими протестантскими миссионерами. Это не было так просто, как могло показаться, потому что определенные принципы, как, например, по вопросу о необходимости или, наоборот, ненужности крещения водой, изолировали Друзей от тех, с кем они соглашались в других пунктах.

Американские Друзья также вышли на сцену. В 1869 г. Эли и Сибил Джонс из Ежегодного собрания Новой Англии, которые уже предприняли миссионерскую поездку в Нигерию и Сьерра Леоне, отправились в Сирию, которая тогда была частью Оттоманской империи, окончательно распавшейся после окончания Первой мировой войны. Им посчастливилось познакомиться с выдающимся педагогом по имени Теофилус Вальдмайер, который обратился в квакерство и работа которого попала под опеку лондонских Друзей. Эта ассоциация принесла с собой почти вековое сотрудничество между британскими и американскими Друзьями, которые все еще поддерживают знаменитую школу в Рамалле на западном берегу Иордана.

К нашему времени миссионерское движение было уже хорошо организовано. В 1897 г. Анна Ханникат из Айовы, жившая потом в Уиттиере, Калифорния, отправилась работать среди эскимосов Аляски при поддержке Ежегодного собрания Калифорнии. В 1896 г. Друзья из Ежегодного собрания Огайо (Дамасское) начали создавать то, что теперь стало их выдающейся миссионерской базой в Чаттапуре в Бунделькханге, Индия, а в 1898 г. Друзья начали миссию, которая теперь является маленьким ежегодным собранием на Кубе.

Оглядываясь назад, мы можем видеть, как начала складываться модель мирового квакерства в двадцатом веке. Евангелизм мог сохранить характерные отличия квакерства без его сектантских черт и таким образом делал его способным расширяться за пределы своих исторических корней в англо-американской культуре. Квакерские миссионеры могли стать частью гораздо более широкого движения. Но столь же важными в открытии квакерства другим были пастырские собрания.

Действительный подъем международного квакерства начался в 1902 г., в год, сыгравший огромную роль в квакерской истории. В первый раз с 1652 г. очень большое число людей стали квакерами в очень краткий промежуток времени. В тот год, когда началось новое столетие, два Друга из Огайо и один из Айовы вышли на берег Момбасы в Кении и поселились в горах. Они нашли Друзей из Африканской

промышленной миссии и образовали свой центр в Каймоси - «месте, которое избрал Бог». Может быть, половина квакерского мира живет сейчас в Западной Кении, и этот факт поднимает вопрос: может ли это быть выбором Бога для будущего квакерства?

Так что когда девятнадцатый век подошел к концу, возникли новые проблемы. Прежняя квакерская жизнь «за оградой» не была более возможной. Генетическое наследие социальной активности стало главным мотивом квакерства. В своей евангелической форме оно привело к тому, что Общество Друзей разделилось на две главных ветви, которые в течение большей части этого периода жили в состоянии взаимной и совсем не квакерской враждебности.

Его либеральной форме предстояло великое возрождение, которое пришло в следующем столетии и помогло создать такой интеллектуальный климат, в котором утихли старые разногласия. Пастырская система и планируемые собрания оказались весьма прочными и стали базой для распространения за пределы североатлантической культуры. Важность миссий можно видеть в современном состоянии мирового квакерства.

Статистические данные трудно собрать по ряду причин, но согласно самой последней информации, опубликованной квакерским Всемирным консультативным комитетом (FWCC), представляется, что более трех четвертей квакеров в мире принадлежит к евангелической, пастырской традиции, и большинство собраний имеют пасторов. Почти все из этих ежегодных собраний сейчас независимы, и если мы исключим те места в Европе и вообще в мире, которые подчиняются влиянию Лондона, мы найдем, что четыре пятых квакеров в мире принадлежат к ежегодным собраниям, созданным Друзьями из Соединенных Штатов.

В девятнадцатом веке центр квакерского притяжения переместился из старого света в новый. В двадцатом веке он с неизбежностью переместится в страны развивающегося мира. В том, что квакерство пришло в Россию, замечательно в частности то, что голос стран старого Восточноевропейского блока теперь может присоединиться к очень богатому хору.

Глава 5

ВОРОТА В БУДУЩЕЕ

История квакерства в двадцатом веке протекала в значительной мере в Северной Америке. Именно из этой части света исходили миссии, которые изменили лицо квакерства. Английский больше не является главным квакерским языком. Англосаксонские или американские культурные модели не являются больше обязательными для большинства Друзей. Меньшая часть Друзей сейчас живет в развитии мире.

Этот век видел также два синхронных движения среди Друзей, оба они возникли из американского опыта. В первую очередь в этом веке происходило возрождение квакерства, основанного на либеральной теологии, соответствующее возрождению, основанному на евангельских принципах в прошлом веке. Во-вторых, когда расхождения начала 1800-х годов отошли в прошлое, возникли гораздо более сердечные взаимоотношения между разными ветвями Общества Друзей.

То, как исторические обстоятельства могут создать различные традиции, можно видеть на примере отношений двух групп изгнанников. Одни были сосланы во внутреннюю ссылку в своей собственной огромной стране и оставались верными ее духу. Но по ряду исторических причин это не вышло на более широкую арену. Другая группа, скорее беженцы, чем изгнанники, строго говоря, пересекли океан в поисках права на существование. Эти две группы - конечно, духоборцы и квакеры, чьи связи достигли своей кульминации как раз в начале двадцатого века.

Духоборцы в значительной мере напоминают Друзей. Само их название - «духовные борцы» - напоминает старое квакерское выражение «война Агнца». Одна их группа отвергла все внешние установления, как это сделали Друзья. Их отметили за их хорошее поведение, процветание, мирный характер, несмотря на гонения, от которых они страдали в течение двух веков.

Первые контакты между квакерами и духоборцами возникли, вероятно, во время поездки по Российской империи Уильяма Аллена и Стивена Греллета в 1819 г. Когда они приехали в приволжские степи, они встречались там с поселениями самых разных религиозных групп, включая меннонитов, с которыми имели много общего. В Екатеринославе они встретили духоборцев, и Уильям Аллен позднее записал о ветви духоборцев в Симферополе: «Эти бедные люди никогда не слышали о таком Обществе, как наше, и все же, уступая воздействию Божественного Духа, стали в значительной мере поддерживать те же самые свидетельства среди тьмы, которая их окружала». После этого в течение некоторого времени Друзья совершали довольно регулярные, хотя и нечастые визиты в эти части Российской империи, в стороне от главных центров, чтобы посетить религиозные группы, в которых они обнаружили родственный дух.

Когда началось двадцатое столетие, духоборцы покинули Россию с помощью Друзей. В 1896 г. возрождение движения духоборцев привело к волне свирепых гонений. Письмо в Лондонском «Таймсе», подписанное Толстым, среди прочего привлекло внимание к зверствам, употребленным против них на Кавказе, и трое Друзей отправились туда из Лондона, чтобы узнать, в чем дело.

В результате предпринятого расследования Лондонское ежегодное собрание предложило, чтобы духоборцы как религиозная группа переселились в какую-нибудь часть мира, где они могли бы исповедовать свою религию в мире и безопасности. Они также послали вспомоществование на Кавказ и попытались убедить правительство смягчить суровость его политики.

В 1898 г. разрешение на эмиграцию было получено, и вначале было предложено, чтобы община духоборцев переселилась на Кипр. Британскими и американскими Друзьями, меннонитами, самими духоборцами и другими сочувствующими в России были собраны деньги. Труднейшая задача перевозки нескольких тысяч мужчин, женщин и детей была наконец выполнена, несмотря на огромные трудности, отчасти дипломатические, отчасти финансовые, а отчасти связанные с цепким консерватизмом самих духоборцев. Прерии Канады фактически приняли 7000 этих беженцев, которые расселились по тому, что вскоре стало их родной землей.

Общим для квакеров и духоборцев было, помимо схожести в их вере и практике жизни, то, что и те, и другие были сектой. Каждое движение возникло как протест против гораздо большей и всеохватывающей церкви, которая имела политическую, а также духовную власть. Секты возникли и развивались определенными характерными путями, и события квакерской истории могут быть часто более удовлетворительно объяснены с помощью социологии, чем теологии.

Церкви как исторические организмы, вроде Русской Православной церкви или Англиканской церкви в семнадцатом веке, в целом согласны бывают включить в себя как святых, так и грешников. Они допускают, что поскольку вы рождены в обществе, частью которого они являются, вы автоматически становитесь их членом, обычно путем крещения в младенческом возрасте. Церковь ищет у государства покровительства и определенных привилегий, и в ответ готова заключить с ним определенные компромиссы. Они имели тенденцию к консерватизму и к тому, чтобы действовать как агенты социального контроля.

Секты, однако, часто возникают, когда церкви воспринимаются как ставшие слишком мирскими или слишком политическими - что часто одно и то же. Они обычно имеют харизматических вождей с простой, но гибкой идеей. Они имеют исключительный

характер и часто предъявляют к своим членам значительные требования, а также питают равнодушие или враждебность к обществу в целом.

Сектантские идеологии обычно диктуют своим членам мировоззрение в целом, и для того, чтобы отличить тех, кто принадлежит к секте, от тех, кто к ней не принадлежит, используются определенные приемы. Секты создают правила, касающиеся речи и одежды, и контролируют воспитание подрастающих поколений. Они стараются запрещать браки с не-членами секты и имеют очень строгий моральный кодекс и внутренние санкции против тех, кто его нарушает. Они обращены к тем, кто экономически находится в невыгодном положении, и в результате в них часто видят политическую угрозу и подвергают преследованиям.

За последние три столетия в Западной Европе или, по крайней мере, в англосаксонском мире мы видели, как ряд христианских религиозных организаций сектантского типа становились тем, что теперь называется «деноминациями». Считается, что возрастающее процветание и образование, а также тенденция сект распадаться по поводу в высшей степени заумных (для стороннего наблюдателя) пунктов вероучения привели к смягчению их отношения к миру. В результате они стали занимать в некотором смысле промежуточную позицию, в которой сохраняют общение с одной стороны с переживающими расцвет сектами, а с другой - приобретают оперение больших церквей.

То же можно увидеть и в квакерстве, и мы заметили, что середина девятнадцатого века была периодом, когда этот процесс взял свое начало. Более евангелическая ветвь Общества Друзей вела себя весьма прямолинейно в этом процессе, и ее вожди гораздо более интересовались спасением душ, чем сохранением либо сектантских, либо деноминационных отличительных черт.

Более традиционная ветвь также происходила от сектантской замкнутости, но приняла идеологию, весьма отличавшуюся от евангелизма. История двадцатого века - это история о том, как эти две ветви Общества Друзей начали устанавливать взаимопонимание, сформированное прежним разделением, как происходило постепенное сближение с течением столетия и как эта новая встреча создала определенные вопросы, в ответах на которые заключается будущее квакерства.

ВЛИЯНИЕ РУФУСА ДЖОНСА

Может быть, самой влиятельной фигурой в квакерстве двадцатого века был Руфус Джонс, который родился в Мэйне, в Южном Китае в 1863 г., в разгар американской гражданской войны. Руфус Джонс вел полную событий жизнь, занимаясь написанием и преподаванием квакерской истории и квакерским проповедничеством; он стал свидетелем двух мировых войн и начала ядерной эры. Он мирно скончался в 1948 г. в Хэверфордском колледже, недалеко от Филадельфии, где работал профессором религии и философии большую часть своей сознательной жизни.

Руфус Джонс был одаренным рассказчиком. Его проповедь на собраниях часто была одобрена историями из сельской жизни Мэйна времен его детства. Он чувствовал себя дома в деревне, и, хотя являлся ученым с международной репутацией, он так же непринужденно общался с квакерами-фермерами из производящих зерно штатов среднего запада, как и с научными работниками, жителями городов востока. Он, таким образом, мог преодолеть все разногласия. Он происходил из семьи ортодоксальных квакеров, но заслужил огромное уважение Друзей, принадлежавших к хикситской традиции.

Рассказы о нем так же многочисленны, как и его собственные рассказы. Когда он был еще в колыбели, его тетя Пиис, как рассказывают, сказала: «Этот ребенок когда-нибудь будет нести Евангельскую весть в отдаленные страны и людям далеко за морем». Когда ему было десять лет, квакер, находившийся у них в гостях, положил

свою руку на голову Руфуса и сказал: «В нашем бесчестном и испорченном мире этот мальчик станет сияющим светом». Как мы увидим, эти пророческие слова сбылись в обоих случаях, хотя, может быть, не так, как представлялось тем, кто их сказал.

Руфус Джонс появляется на сцене в первые годы Пятилетнего собрания, составной частью которого было его собственное ежегодное собрание Новой Англии. В 1893 г. он уже читал лекции в Хэверфорде и получил предложение редактировать «Америкэн Френд», периодическое издание, составленное из двух более ранних журналов, которое теперь называется «Квэкер лайф» и является журналом Объединенного собрания Друзей.

Он совмещал редактирование с письменными работами, и путешествиями, и активным участием в работе Пятилетнего собрания. Он был одним из тех, кто предложил единообразную книгу Дисциплины для этой ассоциации квакерских собраний, но предложение это никогда не было принято. Возможно, его умеренная позиция оказала двойное влияние на Пятилетнее собрание. Как мы увидим, некоторые из более строгих евангелических ежегодных собраний вышли из него через несколько лет, может быть, потому, что его многочисленность и сила давали ему основания в течение всего столетия претендовать на звание своего рода центра внутри Общества Друзей.

Руфус Джонс стал фокусом сети друзей, которые способствовали возрождению квакерства в начале века; самым значительным из них был английский Друг Джон Вильгельм Раунтри. Они были представлены друг другу, будучи на отдыхе в Швейцарии, и вместе задумали создание фундаментального труда по истории квакерства, который показал бы, как Джордж Фокс и ранние Друзья вписываются в длинную череду мистиков и духовных реформаторов.

Эта дружба имела трагический и безвременный конец. Джон Вильгельм страдал от очень слабого зрения, и в 1905 г., отправившись в Соединенные Штаты для консультации со специалистом, на борту корабля заболел пневмонией. Руфус встретил его и отправил его прямо в больницу, где тот и умер. Он был похоронен на кладбище возле молитвенного дома в Хэверфорде, где сорок лет спустя рядом с ним был положен на вечное упокоевание его друг Руфус. Руфус Джонс сам был подвержен болезням и знал трагедии в своей жизни, и исключительно благодаря своей необычайной вере оставался оптимистом и посвящал свою жизнь благу других.

Работа, однако, продолжалась, и ее надо рассматривать на интеллектуальном фоне своего времени. К началу века споры относительно теории эволюции покрылись пылью. На деле сама идея эволюции родилась раньше Дарвина и была меньшим шоком для современников, чем может показаться со стороны. Более того, большое число христиан умудрились усвоить ее без особых трудностей. Однако многим теория эволюции представлялась разрушительной для учения Библии и потому проблематичной для христианской религии.

Этому сопутствовало развитие историко-критического метода изучения Писания. Традиционное авторство многих книг начало подвергаться сомнению. Другие книги, как было показано, состояли из нескольких отрывков, или серьезно редактировались, или зависели от других. Некоторые считали, что те, кто писал Новый Завет, были пристрастными свидетелями истины, так что возник «вопрос об историческом Иисусе». Чудесные элементы исключались из евангельских рассказов, так как они были ненаучными или иррациональными, и некоторые находили в Писании прямые мифы.

Существенным также был оптимистический настрой, свойственный либеральному обществу, достигшему своего апогея в годы, предшествовавшие 1914-му. Связанной с теорией биологической эволюции оказалась и великая концепция «прогресса», идея, что развитие технологии приведет ко все возрастающему процветанию, демократии и социальной справедливости. Идеалисты всех видов группировались вокруг таких течений мысли, которые пытались сделать то, о чем они мечтали, реальностью.

КВАКЕРЫ КАК МИСТИКИ

Не-евангелическая часть квакерства с легкостью восприняла эти идеи. Квакерство всегда было больше верой опыта, чем учением, и потому Друзья не были связаны одной единственной космологией или одной теорией человеческой природы - и в самом деле, в их рядах можно найти ряд ученых-новаторов. Не-евангелическим квакерам было относительно легко принять новые религиозные идеи. Перемена убеждений не всегда приводит к борьбе за власть и структурные изменения. Более того, незадолго до евангелического возрождения Друзьям было совершенно ясно, что Христос был Словом Божиим, а не словом Библии, и потому они могли единодушно принять «высочайшую критику». Наконец, обе их ветви понимали как с исторической точки зрения, так и с точки зрения современной практики, что религия и политика были двумя аспектами единой реальности.

Первое пробуждение этих идей означало, что Лондонское ежегодное собрание, хотя и ортодоксальное в то время, и представленное на Ричмондской конференции 1887 г., оказалось в конечном итоге неспособным поддержать Ричмондскую декларацию, которая, как мы видели, объединила остальную часть этой ветви Общества Друзей.

Лондонское ежегодное собрание, следует помнить, в течение большей части девятнадцатого века было частью евангелического, ортодоксального квакерского мира. Но теперь его чувства изменились. Многие из его молодых членов испытывали вдохновение, а не страх от этих новых идей, так что в 1887 г., хотя Лондонское ежегодное собрание и было представлено на Ричмондской конференции, оно не могло выразить Ричмондской декларации свою поддержку.

Это создало трудную проблему. Что было основой его веры? Просто принять либеральную теологию означало бы идти в ногу с ходом религиозных воззрений своего времени. Это либеральное мировоззрение (как и евангелизм) было экуменическим и по своей природе склонным к сотрудничеству; оно с подозрением относилось к глубоко укоренившимся деноминационным различиям. Фактически если бы квакеры просто стали либералами вместо того, чтобы искать другого решения своих проблем, они предприняли бы даже больший шаг в сторону от своего сектантского прошлого к деноминационной, или крупномасштабной позиции.

Такую основу веры искали и в прошлом. Накануне и сразу после Первой мировой войны были опубликованы две серии книг, которые изменили природу нашего понимания раннего квакерства. Первая серия состояла из публикаций старых документов - архивных материалов. Вторая была серия исследований, вдохновленных Джоном Вильгельмом Раунтри и завершенных Руфусом Джонсом и Уильямом Чарльзом Брейтуэйтом - история «Раунтри».

Архивный материал редактировал Норман Пенни, библиотекарь Лондонского ежегодного собрания. Он опубликовал тексты двух ранних, до 1694 г., версий «Дневника» Фокса, коллекцию отчетов о распространении начального квакерства, собранных, а затем забытых два столетия назад, озаглавленную «Первые издатели Истины», и, наконец, выдержки из правительственных протоколов, озаглавленные «Выдержки из государственных бумаг, касающиеся Друзей».

«Истории Раунтри» стали появляться в течение тринадцати лет, с 1912 по 1923 гг. Четыре тома представляют собой просто повествовательную историю: У.Ч. Брейтуэйт имел дело с начальным и вторым периодом квакерства. Руфус Джонс добавил два тома по последующим периодам, фактически до того времени, когда он писал. Эти книги остаются непревзойденными по богатству деталей и глубине постижения, и, вероятно, там содержатся все романтические и значительные детали квакерской истории. Однако они не являются последним словом.

Помимо книги о квакерах в Америке, серия Раунтри завершалась еще двумя книгами Руфуса Джонса: одна - исследование мистической религии, другая - серия исследований о конкретных христианских мистиках. Тема, которая их объединяет, - это теологическая основа, заложенная Руфусом Джонсом для либеральной ветви квакерства, - тезис о том, что ранние квакеры были по существу мистиками и что квакерство - это мистическая форма религии. Две цитаты из его работы покажут, что он имел в виду.

Во-первых, в своей автобиографической работе «Жизненный путь в среднем возрасте» он пишет: «И самое глубокое, что можно сказать о человеке, это тот факт, что он есть самосознающий дух, созданный по образу божественного духа, в действительности неотделимый от Бога, как поток неотделим от родника, который находится в его истоке, и что истинная «жизнь» начинается тогда, когда человек находит ту вечную Реальность, к которой он «принадлежит». Это внутреннее единение души с Богом Фокс и квакеры после него называли «Внутренний свет», «Семя Божие», «Нечто от Бога в человеке». Если это истинно, это истинно универсально».

Во-вторых, в другой работе о том, что он называет расцветом мистицизма, он пишет: «Мистицизм - это непосредственное, интуитивное, экспериментальное знание Бога, или, можно сказать, осознание Запредельной, или Трансцендентной Реальности, или Божественного Присутствия... но выражения эти будут значить много, или мало, или ничего в зависимости от того, пробуждают ли они или не пробуждают в сознании некоторую память о моментах высоких приливов, когда Дух охватывает и изменяет старые уровни жизни».

В результате своих исторических исследований Руфус Джонс пришел к убеждению, что раннее квакерство и было таким высоким приливом, духовно всеохватным видом религиозного опыта и что оно имело прямых предшественников среди мистиков средневековья и раннего нового времени в Европе. Но существуют различные виды мистицизма, и Руфус Джонс хотел быть точным.

Он видел в квакерстве пример позитивного, жизнеутверждающего мистицизма, скорее чем дисциплину самоотречения. Плодом его стало постоянное чувство божественного присутствия, а не периодический и тяжело добываемый опыт экстаза. Лучше всего оно выражалось в общественном сознании и заботе, а не в напряженной молитвенной жизни. Оно поэтому вело к «групповому мистицизму» молчаливых собраний и квакерскому методу ведения дел.

Такое понимание квакерства сначала распространилось в трудах и учении Руфуса Джонса и его сотрудников. В первые годы нового века была устроена целая серия летних школ как в Британии, так и в США, на которых обсуждались все виды новых подходов к Библии, религии и общественной жизни.

Затем движение сплотилось. В Британии даже сегодня шоколад Кэдбери является самым популярным. Одним из основателей семейной фирмы был предприниматель Джордж Кэдбери, человек с длинным рядом квакерских предков, очень сильными квакерскими принципами и посвящавший свою жизнь будущему благоденствию Общества. Он записывал: «Однажды утром, совершая мою обычную верховую прогулку перед завтраком, я был поражен идеей, пришедшей мне на ум, что дом и сады Вудбрука должны быть переданы Обществу Друзей, чтобы создать колледж для мужчин и женщин».

В 1903 г. Вудбрукский колледж открыл свои двери и с тех пор стал центром религиозных занятий для квакеров из Британии и особенно из стран Британского содружества, а также для народов западной Европы. Не могло быть сомнений, что этот институт в свое время будет принимать студентов из СНГ, что обогатит его опыт*.

В Соединенных Штатах хикситская традиция вступила в новый век с оптимизмом. Уже начал существовать ряд организаций, озабоченных такими делами, как благополучие детей, условия жизни и труда промышленных рабочих, реформа тюрем, трезвость и мир; они привлекали поддержку людей сходного духа в ряде ежегодных собраний.

В 1893 г. из числа тех, кто интересовался или был вовлечен в работу Всемирного Конгресса религий, который состоялся в Чикаго в начале этого года, возникла Религиозная Конференция Друзей. В 1894 г. была созвана Конференция Друзей по образованию; она должна была собираться раз в два года и помогать тем, кто чувствовал заботу и ответственность за школы Друзей-хикситов. В 1902 г. многие из этих нитей были собраны вместе и основана Всеобщая Конференция Друзей. Этот орган, дополнение к Объединенному собранию Друзей, включал как своих членов большинство, хотя и не все, пастырских либеральных ежегодных собраний в Соединенных Штатах.

В годы, предшествовавшие 1914-му, среди квакеров обеих главных традиций господствовало оптимистическое настроение. В нескольких частях света были устроены миссии, и проявлялась серьезная забота о социальных условиях в Британии и Соединенных Штатах. Казалось, что мир движется к новому веку процветания и мира, одним словом, к прогрессу. Затем произошли две мировые войны и новое утверждение природы квакерской веры.

РАЗВИТИЕ РАБОТЫ КВАКЕРСКОЙ СЛУЖБЫ

К 1914 г. Лондонское ежегодное собрание имело уже значительный опыт работы по помощи нуждающимся. Начало ее восходит по крайней мере к тому времени, когда Друзья старались облегчить урон, нанесенный европейскими кампаниями Наполеона Бонапарта. Она получила большое развитие во время Франко-Прусской войны 1870-71 гг., когда впервые Лондонское ежегодное собрание официально назначило квакерский Комитет помощи жертвам войны.

По всему миру известна квакерская восьмиконечная черно-красная звезда, символ помощи Друзей. Поначалу это был символ, украшавший товары гуманитарной помощи, посылаемые во Францию в 1870 г. лондонской газетой «Дейли Ньюз». Друзьям сказали, что если у них будет ясно узнаваемый символ, их бумаги будут скорее доходить, и газета согласилась поделиться пользованием этой звездой. Теперь это символ как американской, так и британской квакерской службы.

В двадцатом веке, когда целые нации оказались втянутыми в войну, требования мирного свидетельства отличаются от того, чем они были в семнадцатом веке. Отказ участвовать в войнах расширился до более последовательной критики политики и международных, отношений, и мирное свидетельство ведет людей к ряду иных, но родственных дел. Особое место среди них занимает продолжающаяся традиция миротворческой работы и международной службы.

Друзей всегда можно найти в кампаниях публичного протеста против войн всех видов и даже подготовки к войне. Таким образом, они были (и остаются) активно вовлечены во всемирную кампанию против ядерного оружия и против международной торговли оружием. Пацифизм - это движение, более широкое, чем квакерство, но Друзья всегда были частью его, и многие потянулись к квакерству благодаря ему.

Во время войны и периодов, когда существовала всеобщая воинская повинность, Друзья всегда отказывались входить в вооруженные силы. Как в Британии, так и в Соединенных Штатах сейчас существует специальное законодательство для отказников от военной службы по мотивам совести и тем самым в порядке выполнения требований государства были признаны различные формы альтернативной службы, и большинство Друзей приняли этот компромисс. Однако другие заняли твердую позицию и в знак

протеста отказываются даже от альтернативной службы, что, к сожалению, часто приводит к тюремному заключению.

Одной из форм альтернативной службы, которая стала приемлемой для правительства и активно действовала в обеих мировых войнах, был квакерский Отряд скорой помощи. Эта организация была создана в 1914 г., как раз перед тем, как была введена всеобщая воинская повинность, чтобы работать с беженцами и создавать госпитали в районах, охваченных войной. Добровольцы хотели служить на линии фронта, где в них больше всего нуждались, но британское командование не разрешило этого. Но в Италии не было сомнений, и итальянский отряд служил на линии огня. В 1918 г. Отряд насчитывал 1360 членов, работавших дома и за границей, и 21 из них умерли во время активной службы.

В 1917 г. в войну вступили Соединенные Штаты, и молодежь этой страны столкнулась с тем же кризисом совести, который пережили их британские собратья по религии. В Филадельфии был создан комитет, и примерно через месяц после первого своего собрания он принял название Комитет службы американских Друзей (AFSC). На европейский театр войны были посланы добровольцы.

Они работали совместно с квакерским Комитетом помощи жертвам войны, который, как мы уже видели, существовал уже около 40 лет. Это была главная британская организация помощи, которая продолжала действовать с тех пор с различными функциями и под разными именами. Американские и британские Друзья видели отличия между собой, часто весьма удивительные, но они ладили друг с другом и сотрудничали в гуманитарной работе во Франции.

В 1918 г. в Германии, а также других воюющих странах сказались непосредственные последствия войны, в основном ранения, плохое питание и болезни. В этот момент Герберт Гувер (1874-1964) выступил на сцену. Гувер был квакером, сиротой родом из Западной ветви, штат Айова; он составил себе состояние, работая горным инженером. Почти случайно он в самом начале войны оказался втянутым в одну из крупномасштабных операций по оказанию гуманитарной помощи, и к 1918 г. был уже главным директором Комиссии помощи и реконструкции Европы - пост огромной ответственности, в котором он имел дело с миллионами долларов и миллионами тонн пищевых продуктов.

Подписание мирного договора в 1919 г. означало, что гуманитарная работа может начаться и в Германии. В пылу полемики Гувер попросил AFSC начать гуманитарную работу в Германии. Они приняли это задание, и к концу 1920 г. около миллиона германских детей в более чем 1640 центрах стали ежедневно получать дополнительную пищу. Эта помощь шла от американского правительства, но всю работу делали Друзья, и некоторые находили это оскорбительным. Но им пришлось выбирать между тем, чтобы быть частью деятельности крупного масштаба или согласиться работать в мелкой частной организации, и AFSC решило принять предложение Гувера. Несколькими годами позже Гувер стал 31-м президентом Соединенных Штатов и первым квакером, поднявшимся до такого поста.

Квакерское служение в воюющей России началось в 1916 г. в результате расселения на Урале многих беженцев, выгнанных из своих домов согласно политике выжженной земли, осуществлявшейся отступавшей российской армией в польских провинциях. Группа квакеров поселилась в Бузулуке и в течение трех лет создала больницу и медицинские центры, сиротский дом, систему распределения пищи и программу обучения ремеслу.

Однако они не были свободны от политических обстоятельств. В революционные месяцы 1917 г. связи с Лондоном стали крайне трудными, и столь же трудным стал физический процесс обмена чеков и счетов, чтобы добыть деньги, необходимые для

продолжения работы. Гражданская война увеличила трудности, так что к 1919 г. было решено отозвать группу.

И снова голод принес возвращение Друзей в СССР в 1921 г. По инициативе великого норвежского исследователя Арктики Фритьофа Нансена в Женеве был создан международный комитет гуманитарной помощи, который заключил соглашение с новым правительством, через которое посылалась помощь. Следует помнить также, что Советское правительство в это время само обеспечивало две трети денег для помощи голодающим.

AFSC также включилось в эту программу помощи голодающим, но опять, будучи частью Американских национальных усилий по оказанию гуманитарной помощи, они должны были работать независимо от Друзей Лондонского ежегодного собрания. Это было беспокойное время, и политика приносила неудачи - по крайней мере, это можно сказать о политических позициях кое-кого из главных действующих лиц. Максим Литвинов, как сообщалось, сказал, что хлеб - это оружие, и антикоммунизм Герберта Гувера - хорошо известный и документированный факт. Никогда не было по существу оценено то обстоятельство, что Толстовский утопизм был весьма далек от того, что большевики представляли себе как «социализм».

Рассчитанные надолго квакерские планы один за другим кончались ничем, отчасти, может быть, по причине атеистической политики нового режима - школа обучения медсестер, сельскохозяйственное и ремесленное училище для сирот, центр социальной службы в Москве. В 1931 г. последний квакерский представитель Дорис Уайт уехала из Москвы. Однако это не было еще концом. Американский доктор Гарри Тимбрес, чье призвание напоминало призвание Рэйчел Меткалф, в течение нескольких лет тренировался и составлял планы поездки в Россию. Приехав в середине 1930 г. по туристической визе, он попросту отказался уехать, пока ему не удастся поработать в области медицинского обслуживания. К несчастью, он был в конце концов принят и направлен в Казань. Двенадцать месяцев спустя после его приезда кости его были похоронены в земле Матушки Руси.

ВТОРАЯ ВОЛНА ИСТОРИИ

В годы Второй мировой войны протестантская теология в Европе и Америке претерпела глубокие перемены. Отчасти это было связано с фигурой Карла Барта, швейцарского пастора, обучавшегося в Германии, который с глубоким чувством разочарования наблюдал то состояние, в которое впала либеральная теология Германской империи накануне Кайзеровой войны 1914 г. Перемены эти обязаны были также опыту Исповедальной церкви, которая откололась от немецкой лютеранской церкви, последовав за Барменской декларацией 1934 г., которая подняла знамя христианской оппозиции Гитлеру.

Барт начал спорить с либерализмом о том, что казалось его самой сильной отличительной чертой. Предполагалось, что конфликта между религиозными и мирскими ценностями не существует. Последние могут только обогатить первые. Научные открытия и социальные перемены поведут к усилению гармонии как механизма прогресса. Христианство сбросит свою раковину предрассудков, и зерно истины откроется во всей своей неотразимой славе.

Однако вместо этого случилась Первая мировая война, за ней последовали Русская революция, великая депрессия, Сталин и Гитлер. Германия, самая цивилизованная нация в Европе, скатилась к варварству, более темному, чем темные века. Это был обратный ход того процесса, который намечал и режиссировал либерализм. Теологически это требовало возвращения к первоначальным принципам.

Определенные темы, которые либерализм замалчивал, снова заявили о себе. Утверждение, что человеческое поведение и божественный план посвящены одним и

тем же целям, было потрясено до основания. Бог оказался не непризнанным вдохновителем человеческой культуры, Он оказался судьей. Мирская культура была не выражением совершенствования человеческого рода, она была порочным продуктом порочных существ. Грех и нужда в личном спасении больше не требовали новой интерпретации. Очевидность их существования виделась повсюду.

Это движение следует отличать от старого евангелизма, хотя имеются и значительные совпадения. Поскольку эта традиция развивалась путем почитания святости и фундаментализма в Соединенных Штатах в девятнадцатом веке, она стала индивидуалистической, субъективной и эмоциональной, и очень часто враждебной любого рода учености и преданности более широкому миру.

В этих обстоятельствах произошло заметное возрождение интереса к пуританизму, по большей части кальвинистской реформационной теологии, которая придала такую специфическую окраску английскому, шотландскому и американскому протестантизму. Эти исследования производились перед началом войны в 1939 г., но в поколении, вышедшем на сцену после окончания военного конфликта, ряд ученых выразил новый взгляд на квакерство.

То, что они нашли там, было не мистицизмом Руфуса Джонса, а религиозным опытом, который имел много общего и был связан с пуританизмом. Выработанный в результате взгляд на тот период, по крайней мере среди либеральных квакеров, заключался в том, что в семнадцатом веке Друзья были оптимистичными, нетеологичными, мистически настроенными искателями. Каждая из этих характеристик теперь может быть серьезно поставлена под вопрос, так как новое поколение ученых снова исследует первоисточники.

Эта новая историческая ревизия была по квакерским понятиям экуменической. Она включала историков по обе стороны Атлантики и из всех частей американского квакерства. Вначале группа молодых людей взяла квакерские темы для написания своих докторских диссертаций, но впоследствии они получили академические посты в квакерских колледжах и начали публиковать книги и статьи. Была создана Квакерская группа теологических дискуссий со своим собственным специальным журналом, и отчасти под влиянием этого движения в 1963 г. была основана Эрлемская школа религии, первая квакерская семинария.

Другим интересным явлением было то, что не-квакерские историки начали выказывать интерес к квакерству. Так как Друзья всегда делали аккуратные записи, имеется много первоисточников для ученых различных дисциплин, и сейчас уже существует значительный корпус квакерских исследований, формально не связанный с Обществом. Благодаря формальному равенству женщин с мужчинами в квакерстве, вера эта стала особенно интересной для тех, кто недавно начал изучать историю женщин.

Может быть, самой важной областью стала история Англии семнадцатого века. Существует материалистическая школа историков, интересующихся тем, что они рассматривают как неудавшаяся революция в Англии примерно того времени, когда возникло квакерство. Часть исследований этого периода требует объяснения социальной роли квакерства и причин того, почему оно рассматривалось республиканским правительством в период 1649-1660 гг. как серьезная угроза. Традиционное квакерское объяснение иногда находят спорным, если не ложным.

Этот возобновившийся интерес к происхождению квакерства привел к тому, что раннее квакерство стало трудно отождествить с любыми моделями, обычно предлагаемыми для того, чтобы это объяснить. Если оно имело пуританские черты, оно в то же время было и духовным. Если оно было мистическим, оно было также и библейским. Если либеральным, то и евангелическим. Оно было как консервативным, так и прогрессивным, одновременно свободомыслящим и теократическим.

Разногласия начала XIX в. привели к теологическому расколу в квакерстве, и каждая партия пыталась оправдать себя как истинных наследников раннего квакерства. Это было отчасти теологическим спором, отчасти историческим. В то время как эти споры велись квакерами из корыстных побуждений, люди находили то, чего искали. Но то, что сейчас квакерской историей и теологией можно заниматься без этих предрассудков, является одним из самых важных достижений XX в. Приведет ли это к каким-либо значительным переменам среди Друзей - покажет будущее. Безусловно верно, однако, то, что ветер перемен, который принес изменения в ученое понимание квакерства, повеял также и в Обществе в целом.

КОНВЕРГЕНЦИЯ

Когда война пришла в Соединенные Штаты в 1941 г., некоторые Друзья подумали, что им следует служить в вооруженных силах, как кое-кто делал в Британии. Большинство, однако, так не думали и были направлены в Гражданскую народную службу, невоенную, где они жили вместе и работали по ряду программ, таких, как общественные работы, сельское хозяйство и психиатрические больницы. Это было не столь удовлетворительно, потому что целью пацифистов не было изолировать себя от опасностей и действий войны.

В Соединенных Штатах существуют три традиционных «мирных церкви», которые делают протест против войны и пацифистские принципы частью своего церковного строя, а не просто возможностью, открытой для каждого, кто желает. Эти церкви - Братство, пиетистская группа германского происхождения, меннониты, имеющие швейцарско-германско-голландское происхождение, и квакеры. Для сторонних наблюдателей эти группы имеют много схожего, хотя те, кто к ним принадлежит, естественно, лучше сознают отличительный характер каждой.

Вдобавок каждая группа имеет свои подгруппы. В случае с квакерами Друзья из политически прогрессивных, теологически либеральных и молчаливо молящихся ежегодных собраний были связаны с тем видом квакерства, которое объединяла Всеобщая конференция Друзей, более сельский тип пастырского квакерства был связан с движением возрождения и с Пятилетним собранием и с более евангелически настроенными ежегодными собраниями, которые, в свою очередь, действовали заодно с этим органом.

Молодые люди всех убеждений создавали узы глубокой дружбы в этих обстоятельствах, и позднее, по мере того как они вырастали и занимали ответственные посты во всех органах, эта дружба создавала чувство, что квакерство и Общество Друзей больше, чем какая-либо из его частей. Люди не отступали от своих привязанностей и убеждений, но росло чувство, что различия предыдущего столетия должны быть преодолены и Друзья должны работать вместе.

Признаком этого чувства стало развитие Всемирного Консультативного комитета Друзей (FWCC). Еще в 1919 г. состоялась Всемирная Конференция Друзей, за ней последовала другая, в 1937 г. в Хэверфордском колледже, неподалеку от Филадельфии. Конференции состоялись также в Оксфорде, в Англии, в 1953 г., в Гилфорде, Северная Каролина, в 1967 г. и в трех местах в 1991 г.: В Эльспее в Нидерландах, в Теле, Гондурас, и в Чавакали, Кения.

После собрания в Филадельфии в 1937 г. началось движение за создание постоянного органа, который мог бы представлять квакеров во всем мире, и теперь существует постоянный офис в Лондоне, а также офисы по всему миру. Помимо своей консультативной работы по объединению Друзей, FWCC представляет Друзей перед миром в целом. Именно благодаря этому органу были созданы два офиса Организации Объединенных Наций - в Женеве и Нью Йорке.

Именно благодаря ему были назначены представители для участия во Втором Ватиканском Совете в Риме между 1965 и 1967 гг. Это уже далеко ушло от того, как Ричмондская конференция 1887 г. попросту игнорировала Друзей иных убеждений и ставила себе целью представлять «все ежегодные собрания в мире».

В некоторых частях Соединенных Штатов в 1945 г. существовали отдельные ежегодные собрания, претендовавшие на одно и то же историческое происхождение. Если вы встречали в книге словосочетание «Филадельфийское ежегодное собрание», вы не могли знать, что фактически существовали два органа, носивших одно и то же название. Если бы вы посмотрели на адрес издательства, то увидели бы «Арч стрит» или «Рэйс стрит». И тогда поняли бы, принадлежит ли книга, которую вы держите в руках, «хикситам» или «ортодоксам».

Разница была довольно незначительной, так как к этому времени различия между Друзьями были уже маргинальными. Два Ежегодных собрания Новой Англии объединились в 1945 г., за ними последовали десятилетие спустя Филадельфийские и Нью-Йоркские собрания. В том же году три существовавших прежде ежегодных собрания в Канаде нашли между собой органическое единство, а воссоединение между двумя Балтиморскими ежегодными собраниями произошло в 1968 г. Внешним и видимым знаком объединения было то, что все эти собрания теперь присоединились как к FGC, так и к FUM, и как Нью-Йорк, так и Новая Англия имели как пастырские, так и непланируемые собрания.

Результатом этих процессов стала конференция в Сент-Луисе, штат Миссури, в 1970 г., созванная по инициативе группы евангелических Друзей для того, чтобы рассмотреть вопрос об обновлении Общества Друзей, и видимый прорыв, выразившийся в чувстве солидарности, скрывавшемся молодежью поколения CPS. За этим последовало более широкое собрание в Вичите, штат Канзас, в 1977 г., но серия эта не получила своего продолжения. В наши дни Друзья общаются друг с другом, невзирая на все различия, посредством публикаций, конференций и всяческих других средств.

ПРОТИВОПОЛОЖНОЕ ДВИЖЕНИЕ

Естественно, развитие не шло в одном единственном направлении. Пятилетнее собрание, широкий, центральный, ортодоксальный и евангелический орган, который изменил свое название на Объединенное собрание Друзей (FUM) в 1966 г., всегда испытывал несколько напряженные отношения между своими более либеральными и более евангелическими членами. Так как оно навело мосты между этими различиями, этого можно было ожидать. Споры продолжались, и в середине столетия оно претерпело отделение от более теологически консервативных ежегодных собраний.

Орегонское ежегодное собрание (теперь Северо-западное ежегодное собрание), не удовлетворенное тем, что оно считало недостатком серьезной миссионерской цели, вышло из Пятилетнего собрания в 1925 г. За ним в 1937 г. последовало Канзасское (ныне Средне-американское) ежегодное собрание, которое имело опасения относительно теологических тенденций, возрожденных вхождением Пятилетнего собрания в Национальный Совет христианских церквей, который оно считало либеральным органом. В 1957 г. большая часть Ежегодного собрания Небраски отделилась от него и более не желала сохранять свое подчинение. Ныне оно известно как Ежегодное собрание Скалистых гор.

В 1965 г. эти органы объединились со старым Ежегодным собранием Огайо (Дамасским), тем же органом, который отделила от себя Ричмондская конференция и который теперь назывался Церковь евангельских Друзей - Восточный регион и образовал консультативный орган, известный как Альянс евангельских Друзей. Эту группу отличают строгая евангелическая теология и успех на поприще миссионерской деятельности.

Хотя и не связанный формально с этой группой, последний орган, отделившийся от Объединенного собрания Друзей, - Церковь Друзей, Юго-западное ежегодное собрание, имеет схожий характер. Вдобавок существует еще одно маленькое ежегодное собрание - Центральное ежегодное собрание на севере центральной Индианы, которое сохраняет свою независимость от более многочисленных групп, имея в то же время впечатляющие записи о миссионерской деятельности.

Этот Альянс сейчас превратился в более широкий орган, известный как Международный союз Евангельских Друзей, и количество его членов весьма велико. В настоящий момент он сострит из пяти североамериканских ежегодных собраний, и общее число его членов достигает почти тридцати тысяч. Его миссионерские связи с новыми ежегодными собраниями удваивают эту цифру, и если добавить к этому членов Юго-западного и Центрального ежегодных собраний, общее число Друзей этой традиции достигнет сотни тысяч, что составляет почти треть мирового числа членов Общества.

Давайте продолжим построение сложной картины мирового квакерства, перейдя вдоль общепризнанной линии от евангелических Друзей к либеральным. Объединенное собрание Друзей, преемник Пятилетнего собрания, представляет ежегодные собрания, всего насчитывающие примерно сто пятьдесят тысяч членов, что делает его представителем почти половины всех Друзей мира.

В общем мы полагаем, что большинство из этих Друзей молятся в собраниях, которые являются евангелическими по теологии и пастырскими по форме богослужения. Все вместе они образуют значительное большинство мировой организации квакеров. Важно отметить еще одну черту этой группы. Если исключить Североамериканские ежегодные собрания, мы найдем, что более половины общего числа квакеров ныне живет в развивающихся странах.

Если теперь мы обратимся к Друзьям, которые молятся в молчании и имеют более либеральную теологию, мы найдем, что они насчитывают только шестьдесят тысяч. Это число, возможно, преуменьшено, так как многие из тех, кто долгое время посещают квакерские собрания, не считают необходимым записываться в формальные члены своих собраний. Из этого числа большинство составляют Североамериканские Друзья, подчиненные или симпатизирующие типу квакерства, исповедуемому Общей конференцией Друзей. В настоящий момент эта ветвь обнаруживает признаки здорового роста. Если к этому числу прибавить Лондон и Ирландию, мы увидим, что 97 процентов либеральных Друзей живут в передовых странах, где живет в свою очередь только одна четверть евангельских или пастырских Друзей. Таково было воздействие миссионерской работы девятнадцатого и двадцатого веков на характер мирового квакерства.

БУДУЩЕЕ КВАКЕРСТВА

Если не иметь жесткой идеологии, невозможно предсказать будущее. С другой стороны, человек будет чувствовать себя ущемленным историей, если не попытается сделать этого. В самом деле, одна из задач истории - это дать нам какие-то стандарты человеческого опыта и мудрости за долгое время, с помощью которых мы сможем мерить то, что кажется нам результатом всего процесса, но что может быть только модой нашего собственного времени.

Мы начали с описания того, как радикальное религиозное движение, которое появилось в XVII в. в Англии, нашло свою нишу и привело к возникновению прекрасной и могучей религиозной культуры, которая распространилась из своей родной страны в Северную Америку. Мы также видели, что к середине XIX в. оно вернуло себе чувство бытия в мире и вышло из своего уединения. Это происходило двумя характерными путями. Через посредство прогрессивного либерализма и

возрожденного евангелизма появились два главные вида квакерства, которые имеют ряд важных различий, а также глубокие подобию.

Мы можем ожидать, что эти две традиции будут продолжаться в своих теперешних формах. Социальная деятельность, неотделимая от либерального квакерства, будет продолжаться как на местном, так и на международном уровне, и поддержка AFSC, и работа в офисах Организации Объединенных Наций будет продолжаться. Друзьям нравится видеть в себе первооткрывателей, и несомненно, будут развиваться новые и потрясающие формы служения. Особенно важными для либеральных Друзей будут оставаться требования мирного свидетельства в мире, который, кажется, выглядит все более и более полным насилия без существования главных блоков держав. Мирное свидетельство может быть использовано также как руководство к решению проблем больших городов.

Миссионерская деятельность останется главной заботой евангелических Друзей. Теперь, когда большинство прежних областей миссионерской деятельности стали независимыми, внимание Североамериканских Друзей будет, возможно, отдано открытию новых областей и служению в тех, что уже существуют. Количество членов в квакерском обществе все более переходит к развивающемуся миру, так что мы можем ожидать, что международные квакерские собрания и связи все больше будут отражать интересы этих частей планеты и все меньше - индустриального Запада. Мы, может быть, даже увидим рост квакерской церкви в Соединенных Штатах.

Если так, хорошо. Но насколько внутренние силы современного квакерства являются строго квакерскими, и насколько они происходят от окружающей культуры? В течение последних ста лет силы культуры становятся все влиятельнее. Это осложняется возвращением Общества Друзей к своим истокам, но ценой явилась определенная двойственность в отношении к ценностям сектантского прошлого.

Вне сомнений, квакерство способно и на либеральное, и на евангелическое выражение, но если одно из этих течений пойдет слишком далеко, то, что останется, будет лишь приятным набором традиций без единого вдохновения, которое делало квакерство силой, с которой считались в Североатлантической культуре. В Обществе Друзей все еще остается сильная преданность этому единому вдохновению. Будущее квакерства, скорее чем будущее квакеров, будет зависеть от силы и приспособляемости тех, кто владеет этим единым прозрением. Они существуют в обеих главных ветвях, и, возможно, именно от них зависит будущее квакерства.

Библиотека сайта Quakers.ru